

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра востоковедения
Кафедра восточных языков

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Материалы
III Международной научно-практической конференции**

Минск, 29–30 июня 2023 г.

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2023

ISBN 978-985-881-559-2

© БГУ, 2023

УДК 94(5):930(06)
ББК 63.3(5)я431

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой* (гл. ред.);
кандидат филологических наук *К. В. Карасёва*;
кандидат исторических наук *В. В. Одериха*;
кандидат исторических наук *Д. Л. Шевелёв*;
кандидат искусствоведения *Е. Ф. Шунейко*;
М. А. Исаченкова; *В. В. Климович*;
В. О. Лещенко; *А. Я. Лобанова*

Рецензенты:
доктор филологических наук *А. Н. Гордей*;
кандидат филологических наук *М. Л. Лебедева*

Проблемы современного востоковедения [Электронный ресурс] : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 июня 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-559-2.

Рассматриваются актуальные проблемы изучения стран Востока: восточные языки, литература, культура, религия, философия, история, экономика, политика, общество и др.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. С. Миксюк*

Подписано к использованию 12.12.2023. Объем 3,9 МБ
Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ВОСТОКА.....	7
<i>Бай Сюетун.</i> Современное состояние и перспективы китайско-германских молодежных обменов.....	7
<i>Боровой В.Р.</i> Идея истории в китайской традиции: проблема сравнения европейской и китайской историософии.....	13
<i>Валодзіна А.</i> Топасы «Трох Усходаў» і «translatio studii» у вальдэнскай антыкатарскай палеміцы.....	19
<i>Винокурова А.В., Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар.</i> Образовательная миграция монгольской молодежи: кейс Канады.....	26
<i>Дзягель Г.В.</i> Фарміраванне іўдэйскай дыяспары ў Месапатаміі.....	32
<i>Дурмуш Хасан Таха.</i> Начальный этап формирования турецкой этнической общности в период Румского султаната.....	37
<i>Злобин С.С.</i> Нарратив о единстве и Бангладеш правительства Шейх Хасина (2009–наши дни).....	42
<i>Зулькарнай И.У.</i> Стратегическое планирование в Республике Башкортостан перед лицом мировых вызовов.....	48
<i>Кузнецова Ю.А., Балабейкина О.А.</i> Территориальный спор в Южно-Китайском море как фактор противоречий в современных китайско-филиппинских отношениях.....	52
<i>Левкович А.И.</i> Цифровая экология и экосистема цифрового предпринимательства в Китайской Народной Республике.....	59
<i>Li Qiang.</i> Tradition of Food Reserve in China: Culturological Aspect.....	65
<i>Luchenkov I.R.</i> The Issue of the Domestic and Foreign Modern Turkish Policies on the Example of Neo-ottomanism.....	70
<i>Лях О.А.</i> Мировое и региональное влияние на сирийский кризис текущего столетия.....	76
<i>Одериха В.В.</i> Развитие китайско-турецких отношений на современном этапе.....	81
<i>Пабеданосцава-Кая А.А.</i> Курдская жанчына і рэвалюцыя ў савецкай культуры.....	86
<i>Прохоров Д.А.</i> Востоковед, дипломат, караимский гахам: к 150-летию С.М. Шапшала.....	92
<i>Саллум Ферас Садык.</i> Проблема микрочипов (полупроводников) в американо-китайских отношениях.....	98
<i>Сороко П.О.</i> Исторические и территориальные особенности китайского выездного туризма.....	104
<i>Тарасочкина Д.Д., Винокурова А.В.</i> Сравнительный анализ волонтерской деятельности в странах северо-восточной Азии.....	110
<i>Трофимова Я.В.</i> «Зеленый» переход: опыт Китая.....	115

<i>Хайруллин Т.Р.</i> Продолжает ли катарско-турецкий альянс борьбу за региональное лидерство?	121
<i>Шевелёв Д.Л.</i> Фотоархив христианской Палестины – несостоявшийся(?) Проект цифрового палестинского архива	127
<i>Шевцов Ю.В., Ширяев М.П.</i> Сравнительный анализ функционирования научно-технологических центров в ОАЭ и Саудовской Аравии	133
<i>Яковлев А.И.</i> Мигранты из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России: проблемы адаптации и интеграции	139
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СТРАН ВОСТОКА	145
<i>Белая И.В.</i> Институт <i>сяньсюэ юань</i> и даосское образование женщин в Китае начала XX в.	145
<i>Вертинская А.Е., Шатравский С.И.</i> Концепция Бога-творца в трактатах Нагарджуны	152
<i>Дедок В.М.</i> Этнокультурные средства размещения в странах Восточной Азии	157
<i>Ершиов А.В.</i> Символизм традиционной китайской живописи <i>хуа няо</i> в контексте принципа созвучий <i>се инь</i> на примере благопожеланий категории <i>жуи</i> (如意)	163
<i>Исаченкова М.А.</i> Мир мертвых <i>юду</i> согласно чжоуским и ханьским письменным памятникам	172
<i>Климович В.В.</i> Категория 私 (sī) ‘частное’ в ранних даосских текстах	181
<i>Коваль В.И.</i> Магический меч как атрибут китайских божеств и восточнославянских святых	187
<i>Коробко С.Д.</i> Культурная экспансия Китая, Японии, Южной Кореи как детерминанта эффективности социокультурной коммуникации	194
<i>Кухарчик Ю.С.</i> <i>Dahu</i> в древнеперсидских царских надписях	200
<i>Леценко В.О.</i> Шиитская ритуальная практика самобичевания: культурный и религиозный аспекты	206
<i>Лобанова А.Я.</i> Реконструкция семантики знака 妝: культурологический аспект	211
<i>Миксюк А.С.</i> К вопросу об ариях в Авесте	217
<i>Садокова А.Р.</i> Японские народные предания о прудах деревни Осино-мура: реальность и вымысел	223
<i>Себряк К.О.</i> Система 稟議制度 в японской корпоративной культуре	229
<i>Спартак А.А.</i> Восприятие древнеегипетских обелисков на Древнем Ближнем Востоке	235
<i>Сторожук А.Г.</i> Особенности новеллы Пу Сун-лина «Лю хай-ши»	241
<i>Сунь Шэнцзы.</i> Культурное сотрудничество КНР и Республики Беларусь в 2005–2013 гг.	246
<i>Чжан Цзысюань.</i> Принцип гармонии в новой культурной идеологии Китая	252

<i>Шатравский С.И.</i> Труды В.А. Кожевникова по религиям Индии.....	258
РАЗДЕЛ III. ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОКА	264
<i>Аксёничкова-Бирюкова А.А.</i> О функционировании некоторых дянгу в любовной лирике ли цинчжао	264
<i>Береза Е.В.</i> Двусложные модальные частицы современного китайского языка.....	269
<i>Богута М.И.</i> Комбинаторика модальной частицы 哇 [wa] в китайском языке.....	275
<i>Газиева И.А.</i> Средства образности в рассказе Махадеви Варма «Гиллу»	282
<i>Гибкий П.В.</i> Роль знаков алфавита синтаксиса 再 (zai), 又 (you) и 了 (le) в создании эффекта временных отношений в китайском языке.....	288
<i>Гольдин А.М., Карасева К.В.</i> Формирование общего стереотипа как источник синонимии китайских логограмм.....	293
<i>Емельченкова Е.Н.</i> Стратегии кодирования экскорпорированного участника ситуации в современном китайском языке	298
<i>И Сяо.</i> Мотивированность антонимических номинаций китайского иероглифического письма.....	304
<i>Леценко К.И., Шатрова Я.Г.</i> Истоки развития китайской веб-новеллы	309
<i>Леценко К.И.</i> Классическая китайская поэзия и современная поп-культура: диалог сквозь века	315
<i>Mitkina E.I.</i> Edgar Allan Poe in China: the First Translations of the First Half of the 20 th Century	321
<i>Михалькова Н.В.</i> Семантические закономерности образования 异体字 в китайской иероглифике.....	326
<i>Репенкова М.М.</i> Мотив волшебного двоемирия в романе Мине Согют «красное время» (2004).....	332
<i>Степанюк В.А.</i> О некоторых примерах экспликации энантиосемии китайскими логограммами	337
<i>Сухоцкая Т.Ф.</i> Адметнасць сацыялізацыі асобы ў мастацкіх творах Лу Сіня	343
<i>Тишкевич А.Н.</i> Игра в детектива: к вопросу о переводе турецких постмодернистских произведений (на примере «Чёрной книги» О. Памука)	350
<i>Тун Чао.</i> Языковая квантификация с помощью лексемы «куча/堆» (на материале русского и китайского языков)	356
<i>Филлимонова М.С.</i> Проблема взаимодействия фонетической и идеографической составляющей в составе китайской фоноидеограммы.....	360
РАЗДЕЛ IV. ИСКУССТВО СТРАН ВОСТОКА	366
<i>Ван Вэй.</i> Становление и развитие китайского космического искусства в XX веке	366
<i>Гу Чэнъюань.</i> «Войцек» Анны Пешке: к проблеме адаптации западной драматургии в постановках пекинской оперы	370

<i>Карпянкова М.Л.</i> Экзатычныя ўсходнія матывы ў беларускім традыцыйным мастацтве: на прыкладзе арнітаморфных вобразаў.....	376
<i>Лампе И.Ю.</i> Комон: особенности терминологии и классификации кимоно.....	382
<i>Ли Цзунци.</i> Экологическое искусство в традиционной китайской культуре.....	389
<i>Полосмак А.О.</i> Труба в народно-инструментальной и сакральной культурах Китая и Беларуси.....	395
<i>Пэн Синьчжэн.</i> Образ города в современном китайском художественном плакате.....	401
<i>Снапковская С.В., Чжэн Чао.</i> Пути и средства реализации новых технологий в области китайской художественной культуры.....	406
<i>У Сянь.</i> Пейзажные ассоциации в китайской абстрактной живописи второй половины XX – начала XXI вв.....	411
<i>Чжан Цзин.</i> Даосские сюжеты в росписи фарфора цзиндэчжэня.....	418
<i>Шимелевич А.Г.</i> Традиция китайского пейзажа «цинлюй» (青绿山水) в творчестве Сяо Хайчуня.....	423
<i>Шунейко Е.Ф.</i> Турецкая живопись первой половины ЧЧ века: синтез европейских влияний и национальных традиций.....	428

С момента установления дипломатических отношений между КНР и ФРГ двусторонние отношения получили огромное развитие, а обмены и сотрудничество в различных областях продолжают углубляться и расширяться. Две страны создали ряд механизмов для углубления политического взаимодоверия, экономических и торговых обменов, но для дальнейшего сотрудничества Китая и Германии недостаточно опоры на экономическое и политическое сотрудничество, необходимо также укреплять и повышать взаимное доверие между двумя народами. После 2020 г. в связи с пандемией Covid-19 и нарастанием международной напряженности китайско-германские гуманитарные обмены столкнулись с новыми вызовами.

Молодежная политика является важной частью китайско-германских отношений и обеспечивает постоянный вклад в их долгосрочное развитие. Молодежные обмены становятся все более важными по мере развития политических и экономических отношений между двумя сторонами.

В 2004 г. с установлением отношений стратегического партнерства в истории китайско-германских отношений наступил новый этап. В сентябре 2006 г. во время визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в ФРГ, страны подписали «Соглашение между Всекитайской федерацией молодежи КНР и Федеральным министерством по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи Германии о китайско-германских молодежных обменах». Стороны установили диалог в области молодежной политики и разработали механизм обмена [1]. Подписание этого соглашения открыло новую главу сотрудничества между молодежью обеих стран. В июле 2007 г. в ходе реализации китайско-германской инициативы немецкая молодежная делегация посетила Пекин [2]. В октябре 2008 г. делегация китайской молодежи в составе 400 человек посетила Берлин. Это была самая большая молодежная делегация, организованной в Европу Всекитайской федерацией молодежи. Канцлер Германии А. Меркель встретила с ее участниками и отметила, что молодежные обмены – это хороший способ избавиться от предрассудков и сформировать объективные оценки [3]. В июле 2010 г. было обнародовано китайско-германское совместное коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства и создан механизм межправительственных консультаций. Согласно коммюнике, стороны создали форум «Китайско-германский мост в будущее» для развития обмена и диалога между молодыми лидерами Китая и Германии [4]. Первое форумное совещание было организовано совместно Всекитайской федерацией молодежи и MERICS в мае 2012 г. По состоянию на 2019 г. было проведено восемь совещаний. Актуальными темами стали устойчивое развитие, глобальное управление и другие вопросы, представляющие взаимный интерес для Китая и Германии.

В 2014 г. китайско-германские отношения были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, что сопровождалось публикацией «Программы действий по китайско-германскому сотрудничеству». Возросший уровень партнерства создал более прочную основу для гуманитарного сотрудничества между государствами, включая молодежные обмены.

В октябре 2015 г. во время визита А. Меркель в Китай состоялось подписание межправительственной совместной декларации об организации китайско-германского Года молодежных обменов. В марте 2016 г. Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент Германии И. Гаук приняли участие в церемонии открытия Года китайско-германских молодежных обменов в Пекине. Си Цзиньпин отметил, что различия в истории, культуре, социальных системах и уровнях развития Китая и Германии должны быть не препятствием для обменов и сотрудничества между двумя странами, а скорее движущей силой. Он выразил надежду, что молодые люди из обеих стран будут общаться и учиться друг у друга [5]. Президент Германии И. Гаук также отметил важность общения, особенно между молодыми людьми двух государств [6]. В период Года молодежных обменов было организовано более 250 мероприятий в области образования, науки и техники, культуры, спорта и СМИ, в них приняли участие более 60 тыс. молодых людей [7].

В мае 2017 г. по случаю 45-й годовщины установления дипломатических отношений КНР и ФРГ опубликовали «Совместное заявление о создании китайско-германского механизма диалога на высоком уровне для гуманитарных обменов». Диалог охватил пять областей: образование, культура, СМИ, спорт и молодежные обмены. С этого момента китайско-германский молодежный обмен встал на путь институционального развития. В ходе первого заседания стороны организовали такие мероприятия, как Китайско-германский форум по международному молодежному обмену с учебными учреждениями и Элитный молодежный футбольный тренерский курс [8].

Очевидно, молодые люди являются важными участниками китайско-германских обменов и сотрудничества в области образования и спорта. Кроме того, молодежь также играет важную роль в области сельского хозяйства, науки и техники и предпринимательства.

В марте 2015 г. министерства сельского хозяйства Китая и Германии подписали «Заявление о намерениях по китайско-германскому проекту развития потенциала для молодых талантливых практиков в области сельского хозяйства». Целью проекта является подготовка кадров с международной перспективой и высоким уровнем менеджмента в области сельского хозяйства [9]. По состоянию на ноябрь 2020 г. китайская сторона в

рамках этой программы направила 67 стажеров в Германию и приняла 27 немецких стажеров в Китае [10]. В июле 2018 г. в ходе пятого раунда китайско-германских правительственных консультаций министр сельского хозяйства и сельских дел Китая Хань Чанфу и федеральный министр продовольствия и сельского хозяйства Германии Ю. Клёкнер подписали «Совместную декларацию о намерениях по программе обмена молодыми практическими сельскохозяйственными талантами». Этот проект являлся инновационным продолжением проекта 2015 г. [11].

В июне 2017 г. Министерство науки и технологий Китая и Федеральное министерство образования и научных исследований Германии совместно организовали Китайско-германскую неделю сотрудничества и обмена молодежными инновациями в предпринимательстве «Немецкая молодежь в Китае». В мероприятиях приняли участие 300 молодых представителей китайских и немецких университетов, научно-исследовательских институтов и предприятий [12].

Неутешительными выглядели данные Исследовательского центра Пью, согласно которым Германия являлась страной с наиболее негативным восприятием Китая [13]. Однако стоит отметить, что молодые немцы в возрасте от 18 до 29 лет относятся к Китаю более позитивно, чем респонденты старше 50 лет [14]. Это свидетельствует о том, что Китай и Германия по-прежнему нуждаются в укреплении основ общественного мнения и расширении обменов. Молодежь, как будущее страны, является важной силой в поддержке международного сотрудничества и укреплении доверия в будущем. В настоящее время Китай и Германия уделяют особое внимание молодежным обменам, чтобы использовать уникальную роль молодежи в публичной дипломатии, особенно в сфере повышения имиджа и влияния страны и мнения СМИ. Кроме того, эпоха интернета сделала социальные сети основной платформой для публичной дипломатии, а продвижение и развитие социальных сетей тесно связано с молодежью.

Таким образом, молодежный обмен является одним из ключевых аспектов китайско-германского гуманитарного сотрудничества. Молодежные обмены между двумя сторонами охватывают различные сферы, среди которых наиболее важными являются образование и спорт. С дальнейшим повышением уровня китайско-германских отношений значение молодежных обменов значительно возросло. На данный момент, столкнувшись с различиями во взаимопонимании двух народов, КНР и ФРГ необходимо укреплять взаимодействие, общение и взаимопонимание между молодежью двух стран.

Библиографические ссылки

1. Чжунде Хэцзо Чэнцзю юй Чжаньван = Достижения и перспективы китайско-германского сотрудничества [Электронный ресурс] // Чжунго чжу Дего дашигуань = Посольство КНР в ФРГ. URL: http://de.china-embassy.org/chn/zt/wjb/201106/t20110623_3120366.htm (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
2. Шоупи дэго баймин циннянь дайбаиотуань фан хуа = Первая немецкая молодежная делегация из ста человек посещает Китай [Электронный ресурс] // Чжунго циннянь бао = Китайская молодежь. URL: http://zqb.cyol.com/content/2007-07/11/content_1822011.htm (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
3. Дэго цзунли мокээр хуйьцзянь чжунго дайбаиотуань = Канцлер Германии Меркель встретила со всеми членами китайской молодежной делегации 14-го числа [Электронный ресурс] // Чжунго чжунян жэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2008-10/15/cotent_1121540.htm. (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
4. Чжундэ гуаньюй цюань цюаньмянь туй цзинь чжаньлюе хобань гуаньси дэ лянхэ гунбао = Китайско-германское совместное коммюнике о всестороннем продвижении отношений стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго вайцзяобу = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/201104/t20110414_9661184.shtml (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
5. Чжундэ лянго линдаожэнь гунтун чу си циншао нянь цзяолю нянь каймуши = Лидеры Германии и Китая принимают участие в церемонии открытия Года китайско-германских молодежных обменов [Электронный ресурс] // Чжунго чжу дэго дашигуань цзяоюйчу = Отдел образования Посольства КНР в ФРГ. URL: <http://www.de-moe.org/article/lists?sortid=12150> (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
6. Deutsch-Chinesisches Jahr für Schüler- und Jugendaustausch eröffnet [Electronic resource] // Deutsche Vertretungen in China. URL: <https://china.diplo.de/cn-de/themen/kultur/160321-eroeffnung/1120862> (date of access: 07.04.2023).
7. 2016 нянь чжунде циншао нянь цзяолю нянь бимуши = Церемония закрытия Китайско-германского года молодежных обменов 2016 года [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2016/1126/c1002-28897528.html> (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
8. Чжун дэ гаоцзибе жэньвэнь цзяолю дуйхуа цзичжи сянгвань цинкуан цзешао = Брифинг о китайско-германском диалоге по культурным обменам на высоком уровне [Электронный ресурс] // Чжунхуажэньминь гунхэго цзяоюйбу = Министерство образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb70516/170516sfcl/201705/t20170516_304763.html (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
9. Чжундэ циннянь нуне шиюн жэньцай нэнли цзяньшэ сянму цидун = Начался китайско-германский проект по наращиванию потенциала молодых специалистов практического сельского хозяйства [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0606/c70731-27112417.html> (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).
10. Чжундэ лянго кайчжань циннянь нуне жэньцай цзяолю = Обмен молодыми сельскохозяйственными талантами между Германией и Китаем [Электронный ресурс] // СПС. URL: http://agri.china.com.cn/2020-11/03/content_41346372.htm (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).

11. Чжундэ лянго нуне бучжан гунтун цянью исяншу = Министры сельского хозяйства Китая и Германии подписали письмо о намерениях [Электронный ресурс] // Чжунго чжунянь жэньминь чжэнфу = Центральное народное правительство КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-07/10/content_5305289.htm (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).

12. Чжундэ циньянь чуансинь чуане хэцзо чжоу цзюй син = Китайско-германская неделя сотрудничества в области молодежных инноваций и предпринимательства [Электронный ресурс] // СИС. URL: <http://finance.china.com.cn/roll/20170614/4246863.shtml> (дата обращения: 07.04.2023) (на кит. яз.).

13. Opinion of China [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/24/country/de> (date of access: 07.04.2023).

14. Across 19 countries, more people see the U.S. than China favorably – but more see China’s influence growing [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/06/29/across-19-countries-more-people-see-the-u-s-than-china-favorably-but-more-see-chinas-influence-growing/> (date of access: 07.04.2023).

ИДЕЯ ИСТОРИИ В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ СРАВНЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

В.Р. Боровой

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vitorb75@yandex.ru*

В статье ставится проблема сравнения традиционной китайской и европейской философии истории (с учетом традиционного игнорирования соответствующих восточных идей в западной историософской мысли в условиях засилия европоцентризма), обосновывается существование развитой историософской традиции в Китае, указывается наличие явно выраженного и осознанного внимания к методологии исторического знания, форме исторического нарратива, прагматике исторических текстов и концепций философии истории в целом. В заключении формулируется предварительная гипотеза относительно возможных причин расхождения в западной и китайской историософских традициях.

Ключевые слова: философия истории; китайская философия; европейская философия; сравнительный подход.

THE IDEA OF HISTORY IN CHINESE TRADITION: COMPARING EUROPEAN AND CHINESE PHILOSOPHIES OF HISTORY

V.R. Borovoi

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, vitorb75@yandex.ru*

The article discusses the problem of comparison between traditional Chinese and European philosophies of history, stressing the importance of the issue under the conditions of dominant Eurocentric perspective, which has been the major reason for ignoring some key philosophical achievements of Chinese tradition. The author also points out the existence of highly-developed philosophy of history in China, which found its expression in various forms, including continuous attention toward methodology of historical research, forms of narration, pragmatic aspects and conceptual philosophical framework in general. In conclusion, some considerations regarding the possible causes of different approaches toward history in China and Europe are outlined.

Keywords: philosophy of history; Chinese philosophy; European philosophy; comparative analysis.

В рамках традиционных для Нового времени взглядов на проблему истории и философии истории, господствовавших в Европе, утвердилось

мнение, что повышенное внимание к проблеме истории свойственно именно европейской интеллектуальной традиции и является ее важной особенностью. В то же время большинство других цивилизаций, в том числе и китайская, на европейском фоне обычно характеризуются как склонные к игнорированию истории и историософии¹. Этому способствовала и интерпретация Гегелем китайской истории (и вообще истории Востока) как застойной на протяжении последних тысячелетий, тогда как цивилизационный центр мировой истории, по Гегелю, неуклонно смещался в Европу. В такой интерпретации история Восток и Китай служат лишь удачным фоном, на котором ярко видна предполагаемая динамика европейской истории.

Другим фактором, который также способствовал укоренению мнения об исторической стагнации Китая и относительной неважности исторического измерения для китайской культуры, был циклический характер (чередование периодов порядка и хаоса) китайских взглядов на историю. Такой подход, как предполагалось, *указывал на отсутствие идеи прогресса и фатализм исторического сознания, что в свою очередь предполагало отсутствие философии истории в Китае.*

Тем не менее факты свидетельствуют о высоком статусе истории в китайской традиции. Прежде всего следует отметить подчеркнутое уважение к истории, органически выросшее из сакральных практик эпохи Шан (XVI–XI вв. до н.э.), т.е. культа предков и гадания. Здесь следует упомянуть сакрально-исторические функции письменности в Китае на первоначальном этапе ее развития, процедуры сохранения генеалогии предков для обращения к ним через гадание, саму процедуру гадания и сохранения результатов гадания. Вся эта традиция, сложившаяся уже в эпоху Шан, утвердила в китайском сознании важную смысловую связь: записи о прошлых событиях являются руководством для действий в будущем.

О повышенном внимании к истории свидетельствует и развитый исторический нарратив. Стремление фиксировать и передавать потомкам знания об истории в Китае возникло уже в эпоху Чжоу и с тех пор никогда не прерывалось. О взаимосвязи развитой государственно-бюрократической традиции с формированием исторического нарратива свидетельствует термин 史 *shi*, который означает и хрониста (придворная

¹Ярким примером такого подхода может служить, например, научно-популярный курс лекций (в видео формате) по философии истории «*The Search for a Meaningful Past: Philosophies, Theories and Interpretations of Human History*» доктора Даррена М. Стэлоффа (Darren M. Staloff), выпущенный в 1995 г. и доступный в интернете; другим примером могут служить российские издания по этой проблематике, например, И.А. Гобозов *Введение в философию истории* (Москва, 1999) и Ю.И. Семенов *Философия истории* (Москва, 2003).

должность), и историю как записи, а также историю как реальность (в современном языке в составе бинорма 历史). Первая китайская хроника (《春秋》, записи деяний) относится к IX в. до н.э., одним из важнейших канон в китайской традиции является 《书经》, в котором собраны записи правительственных «заявлений» VIII-VI вв. до н.э. Составление первого (частный) проект «всеобщей» истории 《史记》 («Исторические записки») относится ко второй половине II в. до н.э.

В I в. н.э. была составлена первая официальная династийная хроника 《汉书》, ставшая образцом для всех последующих работ такого рода (к настоящему моменту их насчитывается 24). Династийные хроники характеризуются следующими особенностями: 1) описывают правление одной династии; 2) описание дается ретроспективно (следующей династией); 3) опирается на документы предыдущей династии (обычно просто их копируя). Помимо официальных династийных историй сложилась и развитая традиция 外史 (неофициальная история) и 方志 (локальные, зачастую уездные хроники).

Заслуживает внимания и высокий статус истории среди социальных наук и развитая методология истории в Китае. Начиная с III в. н.э., устоялась иерархия категорий текстов, где история стояла на втором месте, сразу после канон, перед философскими работами. Причина этого (как поясняется в китайской традиции) – конкретный и фактический характер исторического изложения, который ставил ее выше изложения спекулятивных философских идей. Лю Чжицзи (刘知几, 661–721) написал первый трактат «О постижении истории» (《史通》) о том, как писать историю и что должно входить в состав исторических работ. Сыма Гуан (司马光, 1019–86) составил еще один знаменитый вариант «всемирной» истории (《资治通鉴》), которая охватывала период с 403 г. до н.э. до 959 г. н.э. в качестве «справочника» для правителя. С его именем также связана разработка критического метода работы с источниками (аналогичный подход в Европе начал складываться лишь в эпоху Возрождения в Италии).

Как и в европейской традиции, в Китае сложилась развитая **прагматика истории**, которая отражается в стремлении увязать историю и мораль, упор на биографии, а также специфической для Китая и весьма развитой культурой стратагем. В сложившейся традиции *история как повествование (ее фиксация, передача и изучение) должна иметь моральную цель* [1]. Цель историка: правильная оценка происходящего, точное распределение «похвал» и «порицаний» [2]. Более того, представители конфуцианской традиции (например, Мэн-цзы) отстаивали возможность сомнения в исторических записях (т.е. корректировки истории), исходя из моральных соображений [3]. Отдельно можно упомянуть концепцию

стратагем (计), которые целиком укоренены в исторических прецедентах. Через них стратагемы истолковываются и разъясняются.

В Китае также существовала развитая философия истории, базирующаяся на идее цикличности. Создание этой теории небесного мандата (天命论) восходит к Чжоу-гуну (周公) в первой половине X в. до н.э. В эпоху Воюющих царств данная теория упоминается, например, у Мэн-цзы [4], и получила дальнейшее развитие в форме теории «цикла пяти добродетелей» (五德终始说) Цзоу Яня (邹衍, 305–240 гг. до н.э.). В рамках последней теории пять добродетелей соотносятся с пятью элементами и их циклом, каждая династия базируется на одной из добродетелей, с упадком добродетели наступает упадок династии. Данные идеи прямо повлияли на историософию Дун Чжуншу (董仲舒, 179–104 гг. до н.э.), создателя «имперского конфуцианства», в дальнейшем данная концепция (соотносящая исторический процесс с 5 элементами) стала основной философской опорой теории династийного цикла. Здесь также стоит упомянуть «космические» философии истории, возникшие под влиянием буддизма и нумерологии, например, произведения Шао Юна (邵雍 1012–1077) и в рамках неоконфуцианства, например у Чжу Си, (朱熹, 1130—1200), которые также описывали историю как повторяющиеся вселенские циклы, включающие в себя историю человечества.

Указанные формы философии истории базировались на постулировании глубинных закономерностей исторического процесса, в рамках которых человеческая история трактовалась как перемены, которые являются частью общекосмического процесса изменений. Китайская философская традиция, отталкиваясь и обобщая исторический опыт, также сформулировала разные варианты социальных идеалов. В качестве примера можно указать на известное место в Ли-цзи (《礼记》), глава «礼运», где детально описываются концепции «великого единения» (大同) и «малого благополучия» (小康), ставшие важным компонентом китайских социальных утопий [5].

Отметим, что в последние десятилетия западные и российские специалисты-китаеведы стали, например, писать о таком китайском философе, как Чжан Сюэчен (章学诚, 1738–1801), который некоторыми представляется как главный китайский философ истории и сопоставляется с Гегелем и Дж. Вико. По Чжан Сюэчену, история – это развертка Дао, которая осуществляется по определенным законам, поэтому «шестикнижье все является историей» («六经皆史»). Дао открывается в историческом процессе и доступно только через него (т.е. история единственный путь познания Дао). Пик исторического развития – Золотой век (в прошлом), он характеризовался целостностью и гармоничностью человеческого общества, в котором

отсутствовали лишние деления/границы (в том числе и в научной сфере). Однако изучение данного китайского автора остается уделом узкого круга профессиональных китаеведов и почти не влияет на восприятие вклада Китая в философию истории за пределами этого круга.

Отдельной философской проблемой в китайской традиции стал вопрос о соотношении прошлого и настоящего. Конфуций известен тем, что неоднократно подчеркивал, что он лишь излагает деяния прошлого, любит древность и стремится к ее воспроизведению, но ничего не создает [6]. Подражание древности как правильное поведение упоминается и в «Даодэцзине» [7], однако для Лао-цзы добродетели древности не могут быть адекватно выражены вербально. Чжуан-цзы усилил эту критику подражания древним, считая, что история (как повествование) является лишь «мертвым духом древних» [8]. Хань Фейцзы критиковал конфуцианцев за изучение «путей древних» и с помощью исторических примеров пытался доказать глупость этого, указывая на невозможность восстановить древние обычаи из-за увеличения числа населения и скудости ресурсов [9]. Сюнь-цзы в свою очередь указывал, что Золотой век (который Конфуций брал за образец) был результатом процесса развития, а не начальной точкой истории. В китайской историософской традиции также укоренилась концепция «срединного возрождения» (中兴), которая говорила о возможности обновления династии в рамках династийного цикла за счет реформ.

Учитывая все вышесказанное, сравнение традиционной европейской и китайской историософии является важной и потенциальной плодотворной задачей, поскольку очевидно, что в Европе и в Китае параллельно (примерно в «осевое» время; здесь мы не говорим об античном понимании истории, которое было вытеснено иудео-христианской традицией) возникли разные культурно-философские традиции, в рамках которых ставились разные вопросы об истории и ее содержании и, соответственно, давались разные ответы. Как можно предположить, если в китайской традиции устойчивым базовым принципом является идея единства макро- и микрокосмоса, то в иудео-христианской – идея «разрыва» между творцом и творением. Это в свою очередь стимулировало к рациональным (последовательным и логичным, с точки зрения общей картины мира) объяснениям исторического процесса в Китае и подчеркиванием ведущей и даже «взрывной» роли Бога-Творца (чья воля непознаваема) в истории в Европе. Если в Европе социальным запросом, на который должна была дать ответ философия истории, был вопрос об обосновании окончательной истинности религиозной доктрины, то в Китае это был вопрос о причинах смены династий (в политически раздробленной Европе такой вопрос был гораздо менее значим). При этом в Китае сложилось устойчивое представление о том, что искажения («отклонения от Дао») в социальной истории

(возникающие в силу особенностей развития человека) могут и должны быть частично исправлены по ходу истории при начале новой династии или успешных реформах в середине правления (при неизбежной далее новой деградации), тогда как в христианской Европе весь ход истории был устремлен к «концу истории» и оправдывался этим финальным состоянием.

Библиографические ссылки

1. 朱熹语类 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/zhuzi-yulei/83> (дата обращения: 21.08.2023).
2. 论语 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/analects/wei-ling-gong> (дата обращения: 21.08.2023).
3. 孟子 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/mengzi/jin-xin-ii> (дата обращения: 21.08.2023).
4. 孟子 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/mengzi/gong-sun-chou-ii> (дата обращения: 21.08.2023).
5. 礼记 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/liji/li-yun> (дата обращения: 21.08.2023).
6. 论语 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/analects/shu-er> (дата обращения: 21.08.2023).
7. 道德经 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/dao-de-jing> (дата обращения: 21.08.2023).
8. 庄子 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/zhuangzi/tian-dao> (дата обращения: 21.08.2023).
9. 韩非子 [Электронный ресурс] // 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/hanfeizi/wu-du> (дата обращения: 21.08.2023).

THE *TOPOI* OF «THREE ORIENTS» OND *TRANSLATIO STUDII* IN WALDENSIAN ANTI-CATHAR POLEMIC

A. Valodzina

New Europe College – Institute for Advanced Studies
Plantelor str. 21, 023971 Bucharest, Romania, a.v.valodzina@gmail.com

The article discusses the list of Cathar «masters» written by former Waldensian Durand de Osca. He describes the Cathar predecessors as the emissaries of the historical impure Orient, which is a mirror to the classical positive Orient, the source of *translatio imperii*. By the mechanism of *translatio studii* the erroneous doctrine was translated to the Occident from Biblical (eternal) and Antique heresiarchs, weak Greek philosophes, and Oriental magicians. This set of characters became typical for all later Catholic anti-Cathar polemic and made a turning point in the formation of a medieval negative image not only of the contemporary Orient but also of the historical one.

Keywords: heresy; Cathars; Waldenses; Orientalism; *translatio studii et imperii*.

ТОПАСЫ «ТРОХ УСХОДАЎ» І «*TRANSLATIO STUDII*» У ВАЛЬДЭНСКОЙ АНТЫКАТАРСКОЙ ПАЛЕМИЦЫ

A. Валодзіна

Каледж “Новая Еўропа” – Інстытут перспектыўных даследаванняў
Вул. Плантэлор 21, 023971 Бухарэст, Румынія, a.v.valodzina@gmail.com

У артыкуле разглядаецца спіс «настаўнікаў» катарскай ерасі, які склаў былі ерэтык-вальдэнс Дуранд дэ Оска. Ён апісвае папярэднікаў катараў як прадстаўнікоў гістарычнага нячыстага Усходу, які з'яўляецца люстэркам класічнага станоўчага Усходу, крыніцай «*translatio imperii*». З дапамогай механізму «*translatio studii*» памылковая дактрына была перанесена на Захад ад біблейскіх (спрадвечных) і антычных ерасіяраў, млявых грэчаскіх філосафаў і ўсходніх чараўнікоў. Гэты набор персанажаў стаў тыповым для ўсёй пазнейшай каталіцкай антыкатарскай палемікі і зрабіў пералом у фармаванні сярэднявечнага негатыўнага вобразу не толькі сучаснага, але і гістарычнага Усходу.

Ключавыя словы: ерась; катары; вальдэнсы; арыенталізм; *translatio studii et imperii*.

The Middle Ages had their own image of the Orient, or, better to say, different «Orient» coexisted in the consciousness of Western Europeans. These images created a «template», according to which medieval people formulate their attitude toward new facts they recognized about Oriental lands and nations. This template, both positive and negative, was used to polemicize Occidental facts and events as Oriental ones.

This article presents a case study of a medieval display of the «heresy of Cathars»¹ as a descendant of ancient Oriental religious movements. The real origins of the Cathar movement are still debatable in the historiography: «classic» school claims their Eastern origin, emphasizing connections with the Bogomils from the Balkans. So-called «revisionist» scholars regard the Cathars as an outcome of the development of the Western Catholic civilization. The discussion about the origins of this dualistic movement has a long tradition [1]. Ex-Waldensian² Durand de Osca (c. 1160-1224) had his own opinion, later broadly shared by Catholic authors. Here is a comparison of his Orientalist theory with the medieval *topoi* of «three Orients» and *translatio studii*.

Translatio studii et imperii designates the concept of the historical movement of power, empire, and knowledge from East to West. It was first fully articulated in the 11th century by Otto of Freising. *Translatio imperii* initially emerged as a term describing the perceived tendency of the imperial transfer, first to Rome from the East (as described in Virgil's *Aeneid*, from Troy to the Roman Empire, and subsequently to Charlemagne's empire). Medieval monarchs justified their rule by adopting genealogies that traced their lineage back to the Troy kings and heroes. «The Trojan legend was rehearsed in historical chronicles and adapted into vernacular poetry, and these texts circulated widely throughout the Middle Ages and well into the early modern era» [8]. *Translatio studii*, a corresponding transfer of knowledge, is regarded as a critical part of the same process [3, p. XXVIII]³.

The most common medieval image of the Orient could be divided into three different parts:

1. The Biblical Orient, which is located primarily in the past but is also a timeless construct. Its significance is primarily religious, and it is the *umbilicus mundi* and the home of the Western Christianity's holiest associations.

2. The historical/classical Orient, which is the *translatio studii et imperii* source. Its main symbol for the medieval mind is Troy. Concerning the first two Orients, in medieval times, they were significant and considered more advanced than the barbaric West, which has much to learn from historical Oriental examples [3, p. 187].

¹ Religious movement thrived in Southern Europe, particularly in northern Italy and southern France between the 12th and 14th centuries; it was considered heretical by the Roman Catholic Church.

² Another religious «heretical» movement. It was founded in Lyon in the 1170th and still exists today as part of the Methodist Church. The most recent and comprehensive study of the medieval Waldensian history is [2].

³ This is not the first book, which proposes such a theory. The «steps» of the "translation" could be different as well. This work is used only as one of many recently put forth in the field. Other studies: [4, p. 107, 160–161; 5, p. 186–187; 6, p. 71–72; 7, p. 47–55].

3. The contemporary Orient, which corresponds geographically to the other two Orients, and includes Muslim Spain as well. Nevertheless, being left behind in the process of *translatio*, this contemporary Orient requires, in the medieval Western view, an intervention or «liberation» to bring back its original religious significance [3, p. 4-6]. It is important to add here that the idea of «poisoned» contemporary times was applied not only to the Orient. «The tendency to compare the present unfavourably with the past and to try to restore the good old days by abolishing subsequent deformities existed through the 11th and 12th century» in the Occident as well [9, p. 40].

The Orient as a source of heresy adds one more part to this pattern. Polemists have been looking for roots of different heresies not only in the contemporary, contaminated Orient but even in the past, historical one, which, according to a simplified three-part pattern, should produce positive examples.

Durand de Osca gave one of the first and most detailed versions of the origins of the Cathar heresy in all the polemic literature. He was a highly educated Spanish cleric and the leader of the Poor Catholics (a group of the Waldenses who would like to turn back to the Roman Catholic Church). In 1179–84 in Southern France/Spain, he wrote a polemic treatise *Liber Antiheresis* against the Cathars [10, p. 36–45]. This book, written in high-level Latin, is considered one of the most important medieval polemical treatises [11, p. 26].

This paper examines not just what Durand said about the Orient, or even how he said it, but why he wanted to engage it in this discussion at all. It follows the assumption of Edward Said that «European culture gained in strength and identity by setting itself off against the Orient as a sort of surrogate» [12, p. 3].

Durand listed the heresiarchs, from whom the Cathars were supposed to take their doctrines, such as Pythagoras, Marcion, Cherinthus, Ebion, Zeroen and Arfaxat, Hymenaeus and Philetus, Nicholas, Tatian, Mani, and the Gnostics [10, p. 43; 11, p. 154–159]. In the context of this study, the choice of these specific characters is important. Pythagoras, Marcion, Cherinthus, and Tatian were real ancient philosophers, Nicholas, Hymenaeus and Philetus – were biblical heresiarchs, Ebion, Zeroen and Arfaxat – most probable the fictional characters and Mani was a real founder of the Manichaeism. All of them were of Eastern origin. As geographical areas were mentioned Asia and Persia, both Oriental. No Western person or places were shown. Half of these heresiarchs were just described by St. Augustine in the fundamental work *De haeresibus*, which became the textbook of medieval antiheretical polemicists: Marcion (Chapter XXII), Cherinthus (VIII), Ebion (X), Nicholas (V), Tatian (XXV), Mani (XLVI, the largest one) and the Gnostics (VI). Nevertheless, *Liber Antiheresis* is not just a rewriting from the Church Fathers: Durand added Pythagoras (for metempsychosis), Zeroen and Arfaxat, Hymenaeus and Philetus, but did not include the sect with the name «Cathars» (XXXVIII).

Later, he named the ideas of Origen (XLII&XLIII) as a source of inspiration for the «contemporary» heretics [13, p. 121].

Although Durand the Osca was a highly educated author, he did not show any admiration for Oriental culture and science, which Western erudites often felt. There is only hostility. In this example, there is a «historical» Orient as a source of *studii*, but *studii* in the negative, «contemporaneous» sense.

Not all nations, mentioned in Durand's treatise, are of «oriental» origin from a modern point of view. In the Middle Ages, the dividing line between the Orient and Occident was slightly different. As noted by Maria Todorova, «everyone has had one's own Orient, pertaining to space or time, most often to both. The perception of the Orient has been, therefore, relational, depending on the normative value set and the observation point» [14, p. 120]. All the persons, who were listed by Durand, even Greek philosophers, belonged to the medieval Orient. They could be qualified as «eastern» from the «Romanian» point of view¹. In Romanian culture, Greek with its rich heritage could be seen as «"soft", lacking in many martial virtues» [15, p. 15]. Troy was regarded as a positive historical Orient, and the Greeks, who attacked it, as a «contemporaneous», declined Orient [3, p. 32].

Greek philosophers played an ambivalent role in medieval culture. At the same time and in the same region with Durand (12th century Southern France/Spain), Pythagoras was presented as an example of human wisdom and seemed to be even connected with Christian theology, as an inventor of two of seven disciplines of the Liberal Arts (arithmetic and music), clearly respected by clerical and civic authorities. St. Augustine «had ranked him as the first of the great philosophers of the past»; the same respect was given him by Clement of Alexandria, St. Jerome, Cassiodorus, Isidor of Seville [16, p. 67–68, 189–201].

From Antiquity, the Orient was also the image of the birthplace of magic. Augustine of Hippo wrote in his «The City of God» (XXI, 14) about a king of the Bactrians, Zoroaster, as an «inventor of magical arts». This tradition was later developed in the anti-witch treatises [17, p. 369–371]. It is probable that «Zeroen» and «Arfaxat» here are the transformed Zoroaster's names. Later in the medieval Apocryphal tradition, they become not only magicians but also heretics. «Their doctrines were that the God of the Old Testament was the god of darkness, Moses and the Prophets deceivers, the soul the work of the good God, the body the work of the god of darkness, so that soul and body are

¹ This ambiguous status of the Greeks has not changed during all Middle Ages and Modern Era; on the contrary, it has become stronger. Compare this with «The Greek is racially and geographically European, but he is not a Western [sic]. That is what he means by the term, and the signification is accepted by both Greek and foreigner. He is Oriental in a hundred ways, but his Orientalism is not Asiatic. He is the bridge between the East and West». (1911) Cit. by [14, p. 12]

contrary to each other; that the sun and moon are gods, and also water; that the incarnation of Christ was in appearance only» [18, p. 529]. Meanwhile, they have had dualistic ideas even in the times of the Apostles. This made them the perfect founders of the dualistic Cathar heresy in the Catholic (or Waldensian) polemicists' eyes. Ekbert of Schönau (c.1120–84), an «inventor» of the Catharism in the High Middle Ages, in his letter about the «Cathars» near Cologne in 1163 has written about magicians Zaroc and Arphaxat, who were teachers in Persia before Mani, but without connections with the Mosaic law [Patrologia Latina 195:17–18]. It is not known if Durand has read this work.

The choice of Durand to mention both Pythagoras and Zoroaster could not be accidental – they, together with the legendary Egyptian alchemist and mystic Hermes Trismegistus, were ascribed as founders of alchemy [16, p. 131].

Thus, in the eyes of Durand de Osca, the historical Orient was a source of impure knowledge, which, by the aforementioned mechanism of *translatio studii*, spread throughout the Occident. Here the next question appears: at which moment the historical Orient became impure? Did he get such a bad reputation because he really was the source of the Cathar heresy, or he was regarded as the source of the heresies because of the negative attitude?

Theofanis Drakopoulos in his doctoral thesis supposes that «there was no conflict between the Latin and Greek worlds» [19, p. 27]. Consequently, there was no reason to Durand to «invent» the accusation of the Cathars in their oriental origin. Meanwhile, «Everything thus concurs in affirming that the dualist dissidents have their origins in the Greek world» [19, p. 29]. Drakopoulos proves in his work that the Cathars really had a Greek origin, and this was not an offensive invention of the Catholic polemicists.

Starting from the millennium, among Catholic polemical writings and sermons, accusations against the Greeks [20, p. 137] and «Eastern» Manichaeans [21] begin to be repeated. Durand's work was not the first or original in blaming Orient, but it was the first to blame only Orient. For the previous authors, heretics could come from neighbouring Occidental countries. Now the tradition of connecting the Cathars not only with the Manichaeans but also with the East in a broad sense was fixed in the minds of the Catholic clergy.

Unlike the anti-Cathar controversy, of which the quoted source is a part, the opponents of the Waldenses did not apply to the ancient heritage in the period under study. The only exception is a passage from an unpublished lecture by a Franciscan friar quoted by Peter Biller, where the imaginary licentiousness of the Waldenses serves to illustrate Plato's «common wives» as expounded by Aristotle [22, p. 143–144]. It can be assumed that such inattention of the authors is not due to their lack of education, as it might seem at first glance (since they also quoted Greek philosophers in denouncing the Cathars), but to their

perception of Waldensianism as an internal Catholic problem, as opposed to Manichaeism brought from outside.

Thus, Catholic authors who wrote about the heresy of the Waldenses were fully under the influence of the conceptions of *translatio studii et imperii* and different Orients. For them, heresy was a part of the historical, but impure and totally negative historical Orient. A *topos* of «three Orients» turned out to be «four». The knowledge and doctrine of heretics, especially Cathars, were imagined to have been brought from there.

Durand de Osca, having access to a large selection of biblical, ancient, mythological and real characters, deliberately chose only oriental characters to describe the «teachers of the Cathars». Even those of them who had generally recognized positive merits, like Pythagoras, Durand recalled erroneous teachings, enhancing the effect of mentioning other founders of alchemy. The very fact that this opinion was broadly accepted by later Catholic polemist, fixed the perception of the Cathars as an Oriental heresy, and the Orient as a source of heterodoxy.

Bibliography

1. *Czarnecki P.* If Not Bogomilism Than What? The Origins of Catharism in the Light of the Sources // *Studia Ceranea. Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe.* 2021. №11. P. 51–73.

2. *A Companion to the Waldenses in the Middle Ages* / ed. Benedetti, M., Cameron. E. Leiden : Brill, 2022.

3. *Petrovskaia N.I.* Medieval Welsh Perceptions of the Orient. Turnhout : Brepols Publishers, 2015.

4. *Ле Гоффе Ж.* Цивилизация средневекового Запада // под ред. Ю.Л. Бессмертного. Москва : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.

5. *Gertz S.K.* *Translatio studii et imperii: Sir Gawain as literary critic* // *Semiotica.* 1987. №63, no. 1–2. P. 185–204.

6. *Latowsky A.A.* *Emperor of the World: Charlemagne and the Construction of Imperial Authority.* London : Cornell University Press, 2013.

7. *Meserve M.* *Empires of Islam in Renaissance Historical Thought.* Cambridge : Harvard University Press, 2008.

8. *Arner T.* The Trojan War in the Middle Ages in obo in *Medieval Studies* // T. Arner // *Oxford Bibliographies* [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780195396584/obo-9780195396584-0212.xml> (date of access : 13.02.2023).

9. *Constable G.* *Renewal and reform in religious life: concepts and realities* // *Renaissance and renewal in the twelfth century* / ed. Benson, R. L., Constable, G., Lanham, C. D., Haskins, C. H. Cambridge : Harvard University Press, 1982. P. 37–67.

10. *Enchiridion fontium Valdensium: recueil critique des sources concernant les Vaudois au moyen âge* : in 2 vol. / a cura di J. Gonnet. Torino : Claudiana, 1958. Vol. 1 : Du IIIe Concile de Latran au Synode de Chanforan (1179–1532).

11. *Bosworth L.E.* *Perceptions of the Origins and Causes of Heresy in Medieval Heresiology* [Electronic resource] // *Edinburgh Research Archive. University of Edinburgh.* URL : <http://hdl.handle.net/1842/18041> (date of access : 13.02.2023).

12. *Said E.W.* Orientalism. London : Penguin Books, 2003.
13. *Selge K.-V.* Die ersten Waldenser : in 2 Bd. Berlin : Walter de Gruyter, 1967. Bd. 2 : Der Liber Antiheresis des Durandus von Osca. XXVI, 287 S. (Arbeiten zur Kirchengeschichte ; 2).
14. *Todorova M.* Imagining the Balkans. Oxford : Oxford University Press, 2009.
15. *Lockman Z.* Contending Visions of the Middle East : the History and Politics of Orientalism. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
16. *Joost-Gaugier Ch.L.* Measuring Heaven: Pythagoras and His Influence on Thought and Art in Antiquity and the Middle Ages. Ithaca : Cornell University Press, 2007.
17. *Ostorero M.* Le diable au sabbat : littérature démonologique et sorcellerie (1440–1460). Florence : Sismel, Edizioni del Galluzzo, 2011.
18. *Elliott J.K.* The Apocryphal New Testament : a Collection of Apocryphal Christian Literature in an English Translation. Oxford : Oxford University Press, 2005.
19. *Drakopoulos Th.* L'unité de Bogomilo-Catharisme d'après quatre textes latins analysés à la lumière des sources byzantines [Electronic resource] // Université de Genève. Thèse. URL : <https://archive-ouverte.unige.ch/unige:12233> (date of access : 13.02.2023).
20. Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis. Vol. 49 / ed. G. Silagi. Turnholti : Typographi Brepols Editores Pontificii, 1978.
21. *Frassetto M.* The Sermons of Ademar of Chabannes and the Letter of Heribert. New Sources Concerning the Origins of Medieval Heresy // Revue Bénédictine. 1999. №109, no. 3–4. P. 324–340.
22. Biller, P. Why No Food? Waldensian Followers in Bernard Gui's Practica Inquisitionis and Culpe / P. Biller // Texts and the Repression of Medieval Heresy / ed. P. Biller, and C. Bruschi. – Woodbridge : York Medieval Press, 2003. – P. 127–146 p.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: КЕЙС КАНАДЫ*

А.В. Винокурова¹⁾, Мунхбат Оролмаа²⁾, Оюунханд Шагдар³⁾

*¹⁾ Дальневосточный федеральный университет
п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922, г. Владивосток,
Российская Федерация, vinokurova77@mail.ru*

*²⁾ Монгольский государственный университет
ул. Университетская, 1, район Сухэ-Батор, 14201, г. Улан-Батор, Монголия,
munkhbat@num.edu.mn*

*³⁾ Монгольский государственный университет
ул. Университетская, 1, район Сухэ-Батор, 14201, г. Улан-Батор, Монголия,
ondio_d@yahoo.com*

В данной работе рассматриваются основные тенденции, характеризующие образовательную миграцию из Монголии в Канаду. В качестве основного исследовательского инструментария использованы данные международной и национальной статистики ООН, ЮНЕСКО, Правительства Канады и др. Монгольские мигранты в Канаде – это одна из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов. Хотя Канада пока еще не является высоко востребованным направлением для граждан Монголии в плане получения высшего образования, совершенствования знания английского языка, но имеет в этом отношении достаточно высокий потенциал. Образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства и профессиональной самореализацией.

Ключевые слова: миграционные процессы; образовательная миграция; студенты; Монголия; Канада.

EDUCATIONAL MIGRATION OF MONGOLIAN YOUTH: CASE OF CANADA*

A.V. Vinokurova¹⁾, Munkhbat Orolmaa²⁾, Oyunkhand Shagdar³⁾

*¹⁾ Far Eastern Federal University
Ajax Bay, 10, Campus FEFU, Russky Island, 690922, Vladivostok, Russian Federation,
vinokurova77@mail.ru*

*²⁾ National University of Mongolia
Ikh Surguuli str., 1, Sukhbaatar district, 14201, Ulaanbaatar, Mongolia, munkhbat@num.edu.mn*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР».

* The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region».

³⁾ *National University of Mongolia*
Ikh Surguuli str., 1, Sukhbaatar district, 14201, Ulaanbaatar, Mongolia,
ondio_d@yahoo.com

This paper examines the main trends characterizing educational migration from Mongolia to Canada. The data of international and national statistics of the United Nations, UNESCO, the Government of Canada, etc. were used as the main research tools. Mongolian migrants in Canada are one of the fastest growing groups of foreign migrants. Although Canada is not yet a popular destination for Mongolian citizens in terms of higher education, improving English language skills, it has high potential in this regard. Educational migration from Mongolia to Canada is associated with further employment prospects and professional self-realization.

Keywords: migration processes; educational migration; students; Mongolia; Canada.

Канада является одной из крупнейших стран мира (второе место по занимаемой территории), постоянное население которой во многом формировалось за счет мигрантов. По данным на 2021 год в Канаде проживало более 8 млн мигрантов, что составляет почти четверть (23%) от общей численности населения страны [см. подробнее: 1]. Население страны продолжает стареть, уровень рождаемости находится ниже границы воспроизводства населения, в данных условиях международная миграция является для Канады основным источником роста населения. В настоящее время масштабы международной миграции в Канаду продолжают увеличиваться, и если указанные тенденции сохранятся, то по прогнозам Статистической службы Канады, доля международных мигрантов может составить от 29,1% до 34,0% всего населения Канады к 2041 году.

На протяжении достаточно длительного периода (с момента освоения североамериканского континента европейцами) большинство международных мигрантов в Канаде были выходцами из Великобритании и Франции. Но за последние 50 лет численность мигрантов из Европы существенно сократилась, а доля мигрантов – выходцев из стран Азии, включая государства Ближнего Востока, продолжает расти [см. подробнее: 2]. Практически каждый пятый международный мигрант в Канаде – это выходец из Индии. Также высока доля мигрантов из других азиатских стран, в частности, из Филиппин и Китая. Кроме того, практически в два раза выросло число мигрантов из Сирии и Нигерии.

Монгольские мигранты не обладают столь высокой численностью как мигранты из других стран, обозначенных нами выше, но представляют собой одну из самых быстрорастущих групп иностранных мигрантов в Канаде. За последние почти тридцать лет численность монгольских мигрантов увеличилась более, чем в шестьдесят раз. Другими словами, темпы роста

мигрантов – выходцев из Монголии – значительно выше, чем мигрантов из других государств.

Статус мигрантов из Монголии (как и мигрантов из других иностранных государств) в Канаде регламентируется нормативно-правовыми актами, регулирующими потоки долгосрочной и временной миграции. Часть временных мигрантов в Канаде являются обладателями различных типов рабочих виз. В дальнейшем, как показывают результаты различных исследований, около четверти временных мигрантов получают вид на жительство и в перспективе канадское гражданство.

Еще одной категорией временных виз для иностранных мигрантов являются студенческие визы. Образовательная миграция позволяет иностранным гражданам в возрасте от 18 до 35 лет приезжать в Канаду по студенческой визе для очного обучения в колледжах и университетах, других высших и средних специальных учебных заведениях.

Канада является одним из мировых лидеров в области образования, занимает третье место (после США и Австралии) по количеству иностранных студентов. По данным Канадского бюро международного образования, контингент иностранных студентов, обучающихся по программам всех уровней обучения, по итогам 2022 года составил 807 750 человек, из них 373 599 чел. – студенты вузов, доля иностранных студентов – 17,2% [см. подробнее: 3; 4].

Количество иностранных студентов неуклонно растет. По данным 2022 года подавляющее большинство иностранных студентов в Канаде среди студентов всех уровней обучения составляют граждане Индии – 319 000 чел. (39,4%). На втором месте по численности – студенты из Китая (100 010 чел. или 12,3%). Третье место занимают студенты из Филиппин (32 425 чел. или 4,1%). Далее по убывающей следуют: студенты из Франции – 27 110 чел. (3,3%); Нигерии – 21 645 чел. (2,7%); Ирана – 21 105 чел. (2,6%); Республики Корея – 16 500 чел. (2,1%); Вьетнама – 16 130 чел. (1,9%); Мексики – 14 920 чел. (1,8%); США – 14 465 чел. (1,7%) [см. подробнее: 5].

Если говорить о студентах из Монголии, обучающихся в Австралии по программам высшего образования, то динамику их численности можно представить следующим образом. Так, в 2019 году, до пандемии, в Канаде обучалось 265 монгольских студентов. Это число упало до 230 в 2020 году, после начала пандемии. Несмотря на небольшое количество числа монгольских студентов в абсолютном выражении, в Канаде наблюдается их значительный процентный рост. Например, в 2004 году в стране было всего 20 монгольских студентов. С 2011 по 2012 год их число почти удвоилось, с 90 до 170 студентов. В целом, численность монгольских студентов в Канаде за прошедший двадцатилетний период увеличилась более чем в двадцать пять раз [6].

Стоит отметить, что Канада пока не является высоко востребованным направлением для монгольских студентов в плане получения высшего образования. Но все же определенный потенциал имеется. Между Монголией и Канадой, особенно ее северными провинциями, имеется поразительное сходство, в частности, климат, суровая география и малочисленность населения. Кроме того, граждане Монголии – обладатели студенческих виз S-1, находясь в Канаде, имеют возможность совмещать работу и обучение, не получая специального разрешения именно на ведение трудовой деятельности. Продолжительность рабочего дня в таком случае должна составлять не более 20 часов в неделю в течение семестра, также возможна занятость на полный рабочий день во время каникул. Средний заработок монгольских студентов составляет чуть более 37 тыс. канадских долларов в год, это около 3 100 канадских долларов в месяц. Положения начального уровня предполагают заработную плату от 27,3 тыс. канадских долларов в год, а студенты, имеющие опыт работы и занятые на должностях более высокого уровня могут зарабатывать около 63 тыс. канадских долларов в год. Это весьма привлекательные условия. Так, Национальный статистический комитет Монголии приводит данные о среднемесячной заработной плате сотрудников предприятий и учреждений, она составляет 1 279 400 тугриков в месяц [7], что эквивалентно сумме примерно в 500 канадских долларов. Другими словами, работая в Канаде, у монгольских студентов есть возможность в среднем получать ежемесячный доход приблизительно в шесть раз выше, чем работая в своей стране.

Отметим, что имеют место и другие стимулы. Как мы уже указали, это возможность легально совмещать обучение и работу, а также перспектива овладеть английским и/или французским языком на более высоком уровне, получить диплом с квалификацией, признаваемой в других государствах мира. Также Канада – это страна, характеризующаяся высоким уровнем толерантности, безопасности и качества жизни.

Примечательный факт, что большинство монгольских студентов, обучающихся в Канаде – это семейные женщины с детьми. Поэтому «притягивающим» фактором является еще и то, что в Канаде нет особых трудностей в плане легитимного пребывания в стране супруга/супруги студента и их детей. Нет никаких ограничений на количество часов, в течение которых супруг, не имеющий статуса студента, может работать в Канаде в течение срока действия визы.

По завершении обучения у монгольских студентов есть возможность продолжить его на более высоком уровне (магистратура, докторантура и пр.), получить вид на жительство и в перспективе канадское гражданство. Студенты из Монголии, проучившиеся очно (дневная форма обучения) не менее двух лет в аккредитованном колледже или университете, имеют

право подать заявление на получение постоянного вида на жительство по программе Canadian Experience Class (СЕС). Получение визы СЕС также является одной из причин, по которой граждане Монголии стремятся получить образование в Канаде, это прямой путь к получению канадского гражданства. Также после завершения образовательной программы, продолжительность которой составляет два года и более, можно претендовать на получение трехлетней рабочей визы, что в дальнейшем также облегчает получение вида на жительство и канадского гражданства.

В целом, Монголия является очень перспективным образовательным рынком. Мы, как и многие другие авторы, неоднократно отмечали, что такая динамика обусловлена значительной долей молодого населения, популярностью высшего образования среди различных слоев населения [см. подробнее: 8; 9; 10; 11]. Полагаем, что число монгольских студентов в зарубежных университетах будет продолжать расти.

Таким образом, можно сделать вывод, что образовательная миграция из Монголии в Канаду связана с дальнейшими перспективами трудоустройства, профессиональной самореализацией. Канадское образование – это хорошие стартовые возможности. Но в то же время монгольские мигранты сталкиваются с высокой конкуренцией не только со стороны канадцев, но и выходцев из других стран, в том числе и Азии. Зачастую молодые люди, получившие образование в Канаде, возвращаются в Монголию и строят карьеру в своей родной стране.

Полагаем, что исследование рассматриваемой нами проблемы в будущем целесообразно дополнить не только статистическим анализом, но и социологическими методами. Это позволит нам более детально описать образовательные стратегии монгольских мигрантов.

Библиографические ссылки

1. Immigrants Make Up the Largest Share of the Population in over 150 Years and Continue to Share Who We Are as Canadians (publication date: 26 October 2022) [Electronic resource] // Statistics Canada: [website]. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/dq221026a-eng.htm> (дата обращения: 11.04.2023).

2. Nearly One of Five Recent Immigrants Were Born in India, the Highest Proportion from a Single Place of Birth since 1971 [Electronic resource] // Statistics Canada: [website]. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/221026/g-a005-eng.htm> (дата обращения: 11.04.2023).

3. Canada International Student Statistics [Electronic resource] // Study in Canada: [website]. URL: <https://studying-in-canada.org/canada-international-student-statistics/#:~:text=International%20Students%20in%20Canada%20Through%20the%20Years&text=As%20a%20consequence%2C%20the%20proportion,17.8%20percent%20by%202019%2F2020> (дата обращения: 10.04.2023).

4. International Students in Canada [Electronic resource] // Canadian Bureau for International Education: [website]. URL: <https://cbie.ca/infographic/> (дата обращения: 10.04.2023).
5. International Students in Canada on a Study Permit [Electronic resource] // ERUDERA.com: [website]. URL: <https://erudera.com/statistics/canada/canada-international-student-statistics/> (дата обращения: 11.04.2023).
6. *Loo B., Narantuya D., Enkhtuya G.* Education in Mongolia (publication date: 08 August 2022) [Electronic resource] // World Education News & Reviews (WENR): [website]. URL: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (accessed: 11.04.2023).
7. Mongolian Statistical Yearbook – 2021 [Electronic resource] // Mongolian Statistical Information Service: [website]. URL: https://downloads.1212.mn/Statistical_Yearbook_2021_eng.pdf#pdfjs.action=download (дата обращения: 12.04.2023).
8. *Галиймаа Нямаа.* Миграция монголов за рубеж: почему они уезжают и почему возвращаются // Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры: сборник статей / отв. ред. С. А. Панарин. М.: Нестор – История, 2016. С. 19–34.
9. *Дагбаев А.Д., Актамов И.Г.* Ценностные ориентации и установки современной молодежи Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 73–80.
10. *Бадараев Д.Д.* Демографическая динамика и модернизационные изменения в системе жизнеобеспечения монгольского общества // Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 278–284.
11. *Винокурова А.В., Мунхбат Оролмаа, Оюунханд Шагдар.* Демографическое поведение и миграционные настроения населения современной Монголии: основные тренды и динамика развития // Социальные и экономические системы. 2021. № 3 (21). С. 190–202.

ФАРМІРАВАННЕ ІЎДЭЙСКОЙ ДЫЯСПАРЫ Ў МЕСАПАТАМІІ

Г.В. Дзягель

УА ФПБ “Міжнародны ўніверсітэт “МІПСА”,
вул Казінца, д. 21/3, 220099, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, annadjagel@gmail.com

Артыкул прысвечаны працэсам на Старажытным Блізкім Усходзе, якія прывялі да стварэння іудэйскай абшчыны і дыяспары ў Вавілоніі, старажытным Міжрэччы, важнага цэнтру яўрэйскага жыцця і антычнасці, месцу стварэння Вавілонскага Талмуду. Мэта – выдзеліць ключавыя этапы фарміравання іудэйскай дыяспары ў Месапатаміі. Паказаны палітычныя падзеі, што прывялі да знішчэння Ізраільскага і Іўдзейскага царстваў. Вылучана чатыры буйныя дэпартацыі, здзейсненыя асірыйцамі і вавілянямі. Менавіта у выніку дэпартацый з Іўдэі склалася абшчына, якая не асімілявалася, а захавала сваю ідэнтычнасць, што бачна праз тэамафічныя імяны адлюстраваныя ў клінапісных тэкстах Вавілоніі. Менавіта іўдэйская абшчына Вавілоніі стала галоўнай крыніцай аднаўлення іудэйскай абшчыны ў Палесціне.

Ключавыя словы: *Іўдэя; Ізраіль; Вавілон; Асірыя; дэпартацыя; дыяспара; яўрэі.*

THE FORMATION OF A JEWISH DIASPORA IN MESOPOTAMIA

H. Dziahel

International University “MITSO”,
ul. Kazintsa 21/3, 220099, Minsk, Republic of Belarus, annadjagel@gmail.com

The article is devoted to the processes in the Ancient Near East that led to the creation of the Jewish community and Diaspora in Babylonia, ancient Mesopotamia, an important centre of Jewish life and antiquity, the place of the creation of the Babylonian Talmud. The aim is to highlight the key stages in the formation of the Jewish Diaspora in Mesopotamia. The political events that led to the destruction of the Israelite and Jewish kingdoms are presented. Four major deportations by the Assyrians and Babylonians are highlighted. As a result of the deportations from Judea, a community was formed that did not assimilate but retained its identity, as evidenced by theomorphic names found in Babylonian cuneiform texts. It was the Jewish community of Babylonia that became the main source for the restoration of the Jewish community in Palestine.

Keywords: *Judea; Israel; Babylon; Assyria; deportation; diaspora; Jews.*

Існаванне дыяспар у таго ці іншага народу не з’яўляецца выключнай з’явай ні ў сучасным свеце, ні ў Старажытнасці. Так на Старажытным Усходзе нам вядома пра існаванне асірыйскіх гандлевых калоній далёка за межмі ўласна Асірыі. Нам вядома пра выкарыстанне замежных наёмнікаў ў Егіпце. Значна паўплывалі на мабільнасць насельніцтва дэпартацыі Асірыйскай і

Новававілонскай дзяржаў і канешне аб'яднанне рэгіёна ў межах дзяржавы Ахеменідаў.

У гэтым кантэксце слушна прасачыць лёс яўрэскага народу, які з прыкладна VII ст. да н.э. да I ст. н.э. прайшоў шлях ад існавання ў межаў уласная дзяржавы (і дзяржаў) да жыцця выключна ў дыяспары. У прыватнасці, важным цэнтрам яўрэскай дыяспары ўжо ў антычны час стала Месапатамія. Менавіта тут быў складзены Вавілонскі Талмуд. Літаральна да сярэдзіны XX ст. у сучасным Іраку заховалася адна з самых старажытных яўрэскіх абшчын.

Мэта дадзенай работы – выдзеліць ключавыя этапы фарміравання іўдэйскай дыяспары ў Месапатаміі.

Пасля перыяду росквіту адзінага Ізраільскага царства пры цару Саламоне, у 931 годзе да н.э. яно падзялілася на дзве дзяржавы: Ізраіль і Іўдэя. Паўночнае царства, Ізраіль, пераўзыходзіла Іўдэю па колькасці насельніцтва, тэрытарыяльна і эканамічна, але было палітычна нестабільным. Паўднёвае царства, Іўдэю, адрознівала палітычная стабільнасць і пераемнасць улады, аднак яна было значна слабей эканамічна. Эпоха падзеленых царстваў працягнулася з X па VI стст. да н.э.

Пачынаючы з дынастыі цара Йеху (841–752 гг. да н.э.), Ізраіль знаходзіўся ў залежнасці ад Асірыі. Перадапошні ізраільскі цар Пеках (740–732 гг. да н.э.) змяніў праасірыйскую палітыку сваіх папярэднікаў і ўступіў у антыасірыйскі саюз з дамакскім царом Рэцынам II. Кааліцыя пацярпела паражэнне, частка ізраільскіх тэрыторый была далучана да асірыйскіх уладанняў, а насельніцтва захопленых тэрыторый было пераселена ў Месапатамію [1, с. 223–225]. У 732 годзе да н.э. супраць Пекаха быў складзены змова на чале з Хашэа, які і стаў апошнім царом Ізраільскага царства. Хашэа плаціў велізарную даніну спачатку Тыглатпаласару III (каля 745–727 гг. да н.э.), а затым яго сыну Салманасару V (727–722 гг. да н.э.). Затым Хашэа паспрабаваў заключыць саюз з Егіптам і спыніў плаціць даніну Асірыі (2 Цар. 17:3–4), за што быў кінуты Салманасарам у турму, а на горад Самарыю (сталіца Ізраільскага царства) пайшла асірыйская армія. Аблога Самарыі, сталіцы Ізраільскага царства, доўжылася 3 гады і скончылася падзеннем горада. Пераемнік Салманасара Саргон II (722–705 гг. да н.э.) у 722 годзе да н.э. правёў дэпартацыю насельніцтва Самарыі. Па словах Саргона II, было пераселена 27290 чалавек [2, с. 469]. Ізраільскае царства спыніла сваё існаванне. Ізраільцын пасялілі ў Паўночнай Месапатаміі, у Газане, Хаворы, а таксама ў захопленых асірыйцамі гарадах Мідыі [3, с. 208–209] (2 Цар. 17:6, 18:11). На месцы Ізраільскага царства была ўтворана асірыйская правінцыя з адміністрацыйным цэнтрам у горадзе Самарыя. У гарады Ізраіля былі пераселены арамеі, а пазней халдэі з Вавілона (2 Цар. 17:24). Але сляды

пераселеных ізраільцянаў далей губляюцца. Пераселеныя 10 кален ізраелітых сталі лічыцца згубленымі.

У VIII ст. да н. э. царства Іўдэя таксама патрапіла ў сферу ўплыву Асірыі. Іўдзейскі цар Ётам (750–731 гг. да н.э.) адышоў ад антыасірыйскай кааліцыі Арамейскага і Ізраільскага царстваў. А сын Ётама Ахаз (735–715 гг. да н.э.) паслаў Тыглатпаласару III (745–727 гг. да н.э.) дары са скарбніц Храма і палаца [2, с. 466–467]. На працягу ўсяго перыяду найбольшай палітычнай і эканамічнай магутнасці Асірыі (VIII–VII стст. да н.э.) Іўдэя ў асноўным з’яўлялася яе даннікам, акрамя няўдалай спробы паўстання цара Хізікіяху ў 705 годзе да н.э., якое скончылася паразай.

У цэлым, паводле археалагічных сведчанняў, Іўдэя з’яўлялася ізаляванай, аграрнай вобласцю, была беднай (няма слядоў масавай вытворчасці керамікі або вырабу аліўкавага алею на экспарт), маланаселенай краінай (насельнікаў іўдзейскай часткі нагор’я было амаль на 10% менш, чым у паўночных рэгіёнах) [4, с. 110–111].

У 627–626 гг. да н.э. у Вавілоне супраць Асірыі было паднята паўстанне, на чале якога стаў халдзейскі князь Набапаласар. У далейшым халдзейскі Вавілон і Мідыя сумесна атакавалі цэнтральныя гарады Асірыі: у 614 годзе да н.э. упаў Ашшур, у 612 годзе да н.э. – сталіца Нінэвія, а ў 610 годзе да н.э. – Харран [1, с. 242]. Фараон XXVI дынастыі Неха II адправіўся на дапамогу асірыйскай арміі ў вярхоўі Ефрата, дзе асірыйцы змагаліся з вавіланянамі [5]. Іўдзейскі цар Йошейаху, па невядомай прычыне, выступіў напярэймы егіпецкай арміі і падышоў да Мегіда. У бітве з Неха Йошейаху быў цяжка паранены і неўзабаве сканаў. Атрымаўшы перамогу ў Харана, на зваротным шляху ў Егіпет Неха ў 608 годзе да н.э. захапіў у палон сына Йошейаху Ехоахаза і пасадзіў на пасад яго брата Йехоіакіма (Эльякіма) (608–598 гг. да н.э.). Да 605 года да н. э. Йехоіакім, верагодна, заставаўся васалам Егіпта. Аднак у гэтым жа годзе сын Набопаласара Навухаданасор нанёс дзве сакрушальныя паразы егіпецкай арміі і, пераследуючы адыходзячага суперніка, авалодаў Сірыяй [6], тэрыторыяй былога Ізраільскага царства, а затым з’явіўся ў Іерусаліме, прымусяўшы Йехоіакіма стаць вавілонскім васалам [2, с. 482–483]. У якасці трафeyaў Навухаданасор забраў частку скарбаў Іерусалімскага Храма і адвёў у якасці закладнікаў некалькіх юнакоў з царскага і княжых родаў (Дан. 1:1–6). Але пра масавыя дэпартацыі мовы яшчэ не было.

У 601 годзе да н. э. вавілонскія войскі пацярпелі цяжкую паразу ад Егіпта, і цар Іўдэі Йехоіакім паспрабаваў выйсці з залежнасці ад Вавілона. Але ў снежні 598 года да н. э. вавілонскія атрады ўвайшлі ў Іерусалім. У Вавілон была адпраўлена частка святых сасудаў Храма, цар Йехоіакім быў заключаны ў аковы для дэпартацыі (2 Хр. 36:6–7), аднак памёр (або быў забіты) яшчэ ў Іерусаліме (Іер. 22:18–19, 36:30). Паводле Іер. 52:28, у

Вавілон было дэпартавана 3023 іўдэя. Такім чынам, у 601 годзе да н. э. адбылася першая іўдэйская дэпартацыя.

Сын Йехоіакіма Йехоіахін валадарыў у Іудзеі ўсяго 3 месяцы. 15/16 сакавіка 597 года да н. э. цар, яго маці і ўсе набліжаныя здаюцца на літасьць Навухаданосару, які прыбыў у Іерусалім. У Вавілон былі адпраўлены ўсе астатнія скарбы Храма і царскага палаца; дэпартаваны цар, яго сям'я і набліжаныя, а таксама 10 000 іўдэяў, уключаючы 7 тыс. салдат і 1 тыс. рамеснікаў і кавалёў (2 Цар. 24:10–16, 2 Хр. 36:9–10). Лічбы могуць быць недакладныя, але можна сцвярджаць, што дэпартацыя 597 г. да н.э. насіла сапраўды масавы характар.

Царом Іўдзеі Навухаданасор паставіў дзядзьку Йехоіахіна Маттаніаху, які атрымаў троннае імя Цідкіяху (597–586 гг. да н.э.). Першыя гады праўлення прыкладна да 589 года да н.э. Цідкіяху заставаўся лаяльным Навухаданасору. Аднак, пад ціскам радыкальных святарскіх колаў і свецкага наблітэта, ён узяў антывавільонскае паўстанне. У адказ вавільонскія войскі пачалі разбураць іўдзейскія гарады. 15 студзеня 588 г. да н.э. пачалася аблога Іерусаліма, якая працягнулася да 19 ліпеня 586 года да н.э. [1, с. 247–248]. Цара Цідкіяху схавалі, на яго вачах былі забітыя яго сыны, а сам ён быў аслеплены і адведзены ў Вавілон (2 Цар. 25:4–7, 19–21). Іерусалім быў спалены. Паводле Іер. 52:29, з горада было дэпартавана 832 чалавека. Дзяржава перастала існаваць.

Іўдэя была пераўтворана ў вавільонскую правінцыю з цэнтрам у горадзе Міцпа. Намеснікам быў пастаўлены Гедаліяху, які быў забіты сваяком цара Цідкіяху, верагодна, каля 581 года да н.э. [2, с. 485]. Таксама ў Міцпе быў знішчаны вавільонскі гарнізон і лаяльныя вавільянам іўдэі. У якасці пакарання ў Вавілонію былі дэпартаваныя 745 чалавек (Іер. 52:30). З разбурэння Іерусаліма Навухаданосарам II у 586 годзе да н.э. у яўрэйскай гісторыі пачаўся перыяд “Вавільонскага палону”. Біблейскія крыніцы кажуць пра яго як пра жорсткае рабства, хоць з юрыдычнага пункту гледжання іўдэі рабамі не былі, паколькі яны не былі перададзены ў палацавую або храмавую гаспадарку, а былі толькі паселены ў спецыяльна адведзеных месцах. Спачатку гэтыя людзі, відаць, не маглі пакінуць месцы пасялення [7, с. 198]. Танах (Яўрэйская Біблія) данёс да нас глыбокую тугу па радзіме і смутак:

«1 Ня рэк Бабільёнскіх сядзелі мы там і плакалі, Сыён успамінаючы.

2 На вербах сярод яго мы навесілі нашыя гуслі.

3 Бо там тыя, што нас паланілі, жадалі ад нас словаў песні, і нішчыцелі нашыя – радасці: “Заспявайце нам нешта з песняў Сыёнскіх!”» (Тегілім 137 (Пс. 136)).

Нягледзячы на гэта, становішча іўдэяў у Вавілоніі было адносна нядрэнным. Яны ўтварылі адну з найбольш важных чужаземных этнічных

груп у Вавілоніі [8]. Частка была паселена ў раёне горада Ніпура. Згодна з дакументамі з архіва гандлёвага дома Мурашу (V ст. да н.э.), каля 8% уласных імёнаў з дакументаў з'яўляюцца яўрэйскімі. Гледзячы па гэтых імёнах, у 28 вёсках, якія размяшчаліся вакол Ніпура, жыло каля ста яўрэйскіх сем'яў. Адны займаліся земляробствам, другія былі агентамі ў прадпрыемальных фірмах, трэція знаходзіліся на царскай службе [7, с. 363–364]. Большасць жа іудзейскіх выгнаннікаў было пераселена, пэўна, у Цэнтральную і Паўднёвую Месапатамію, у апусцелыя падчас войнаў з Асірыяй раёны; пра гэта сведчаць тапонімы, якія сустракаюцца ў гэтай мясцовасці: Тэль Авіў, Тэль Мелак, Тэль Харса. Пасля стварэння дзяржавы Ахеменідаў іўдэі вавілоніі пачалі перасяляцца ў Палесціну, аднавілі Храм у Іерусаліме і стварылі ахеменідскую правінцыю Йехуд.

Такім чынам, у выніку дэпартацыі асірыйцамі жыхароў Ізраільскага царства ў 722 г. да н.э. ў Месапатаміі з'явілася яўрэйскае насельніцтва, якое праўда, не захавала сваю ідэнтычнасць і было асіміляванае. У выніку масавых дэпартацый насельніцтва царства Іўдэя ў 601, 597, 586 гг. да н.э. у Месапатаміі склалася значная дыяспара, якая здолеа захаваць сваю ідэнтычнасць і ў далейшым стала крыніцай для аднаўлення іўдэйскай абшчыны ў Палесціне.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Тантлевский И.* История Древнего Израиля и Иудеи: от эпохи патриархов до вавилонского изгнания. М. : Ломоносовъ, 2016.
2. История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй / Е. В. Антонова [и др.] ; под ред. А. В. Седова. М. : Вост. лит., 2004.
3. *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М. : Изд-во вост. лит., 1961.
4. *Бласкес Мартинес Х.-М., Кабреро Пикеро.* Историчность книг Ветхого Завета в свете современной археологии // Вестн. древ. истории. 2008. № 1. С. 97–111.
5. *Довгяло Г.И.* История Древнего Востока : учеб. пособие / Г.И. Довгяло, О. В. Перзашкевич, А.А. Прохоров. Минск : ТетраСистемс, 2002.
6. *Дандамаев М.А.* Государство, религия и экономика в древней Передней Азии (характерные особенности) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения ; отв. ред. М. А. Дандамаев. М., 1989. С. 4–16.
7. *Дандамаев М.А.* Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. = Mesopotamia and Iran in the 7th to 4th centuries b. c.: социальные институты и идеология. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2009.
8. *Smith-Christopher D.* Reassessing the historical and sociological impact of the Babylonian Exile (597/587–539 BCE) // Exile: Old Testament, Jewish, and Christian conceptions / ed. J. M. Scott. Leiden ; New York ; Köln, 1997. P. 7–36.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ТУРЕЦКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В ПЕРИОД РУМСКОГО СУЛТАНАТА

Дурмуш Хасан Таха

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, htahadurmus@hotmail.com*

В результате сельджукского завоевания в Малой Азии (Анатолии) был создан Румский султанат. Многочисленные тюркские племена, которые поселились в Анатолии в XI—XIV вв. заложили основу новой этнической общности, главным объединяющим фактором которой стал ислам. Несмотря на крушение Румского султаната в начале XIV в. процесс формирования турецкой народности продолжился.

Ключевые слова: Румский султанат; тюркские племена; турецкая этническая общность; ислам.

THE FIRST STAGE OF FORMING THE TURKISH ETHNICAL COMMUNITY UNDER THE SULTANATE OF RUM

Durmush Hasan Taha

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, htahadurmus@hotmail.com*

As a result of Seljuk conquest, The Sultanate of Rum was founded in Asia Minor (Anatolia). Various Turkic tribes settled in Anatolia in 11-14th centuries laid the foundation for a new ethnic community. The main unifying factor for newcomers and natives was Islam. In spite of The Sultanate of Rum decline in the early 14th century the process of nation building of the Turkish ethnicity continued.

Keywords: Sultanate of Rum; Turkic tribes; Turkish Ethnical Community; Islam.

Турки – самый большой из множества тюркских народов, у которого имеется долгая история и богатая культура. Его формирование стало результатом целого ряда сложных процессов, которые включали в себя миграцию и слияние самых разных племенных и этнических групп. Начальный этап формирования турецкой этнической общности был положен турками-сельджуками, которые основали в XI в. в Анатолии Румский султанат [3, с. 75]. В период его существования (XI—XIV вв.) происходило интенсивное взаимодействие между различными этническими группами. Как результат сформировались группы греков и других народностей смешанного происхождения, родным языком которых был турецкий [5, с. 46].

Турки-сельджуки – союз кочевых племен из Средней Азии, представители, которого мигрировали на Ближний Восток в XI в. Обстоятельства,

которые привели к их миграции сложны, но одним из главных была политическая нестабильность в Центральной Азии того времени. Сельджуки основали могущественную империю, простирающуюся от Центральной Азии до Средиземного моря, включая Багдад – резиденцию халифов.

Часть турок-сельджуков основала в Анатолии своё отдельное государство – будущее сердце турецкой этнической общности. По подсчетам некоторых историков, в период расцвета Румского султаната, здесь проживало не менее трети тюркского населения мира [4, с. 84].

Период XI–XIV вв. был отмечен значительными политическими, экономическими и культурными событиями, которые способствовали формированию и развитию прототурецкой этнической общности [3, с. 87]. Турки-сельджуки принесли с собой кочевой образ жизни, который они приспособили к оседлому образу жизни Анатолии. Они также принесли с собой свою исламскую веру, которую распространили по Анатолии, в результате чего были построены мечети, медресе и другие религиозные учреждения. И, хотя политические, экономические и культурные факторы сыграли большую роль в процессе формирования турецкой народности, первостепенную играла религия [6, с. 25–26].

Социальная структура турецкой этнической общности в период Румского султаната характеризовалась иерархической системой, основанной на классе, этнической принадлежности и религии. Правящий класс состоял из турок-сельджуков, занимавших высшие места в государственной и общественной иерархии. С началом массового притока тюркского населения в Анатолию, турки, уже проживавшие здесь, приняли ислам, что сыграло важную роль в тюркизации Анатолии как в этническом, так и культурном отношении. Одним из основных факторов, который способствовал прочности власти румских султанов, стала политика религиозной терпимости сельджуков к другим конфессиям.

С другой стороны, низшие классы местного населения состояли в основном из крестьян и ремесленников, и тюркских племен, которые в основном были представлены кочевниками-скотоводами. У каждого класса были свои роли и обязанности, и все они играли важную роль в функционировании складывающегося сообщества.

Организация этого сообщества основывалась на принципах исламского права и традиций. Турки-сельджуки создали систему управления, основанную на принципах справедливости, равенства и терпимости. Они также основали религиозные учреждения, такие как мечети и медресе, которые служили учебными и культурными центрами для турецкого народа. Другим фактором формирования тюркской этнической общины является миграция огузов и туркменских племен в Анатолию [1, с. 74]. Эти миграции привели к тюркизации Анатолии XI–XIV вв. В этот период тюркские

бейлики культурно взаимодействовали с огузскими и туркменскими племенами вне Анатолии; так были заложены основы формирования тюркской этнической общины.

Турецкая этническая общность во времена Румского султаната создала процветающую экономику, основанную на сельском хозяйстве, торговле и ремеслах. Турки-сельджуки способствовали развитию сельского хозяйства, принеся с собой новые культуры и ирригационные системы. Они также способствовали развитию торговли, открыв торговые пути с соседними странами, такими как Византия, и создав торговые посты в крупных городах.

Анатолийские турки также были искусными мастерами, производившим широкий спектр товаров, таких как текстиль, керамика и изделия из металла. Эти товары высоко ценились и продавались как на Ближнем Востоке, так и в Европе.

В рассматриваемый период турки-сельджуки создали систему управления, основанную на принципах справедливости, равенства и терпимости. Они также поощряли участие местных жителей в управлении, назначая их на административные должности и позволяя им участвовать в правовой системе. С другой стороны, военное измерение тюркизации Анатолии заключается в том, что сельджуки много раз сражались с армиями крестоносцев. Сражения с армиями крестоносцев ускорили формирование турецкой этнической общности. Султанат Рум впервые столкнулся с крестоносцами во время правления сельджуков Персе II. Кылычаслана [8, с. 47]. Хотя политическое влияние сыграло большую роль в формировании турецкой этнической общины, турецкий историк проф. Доктор. Мехмет Алтай Кей, член Анадолу Сельчуклы утверждает, что для лучшего понимания государства с исторической и политической точки зрения к этому турецкому государству следует относиться с точки зрения истории страны [7, с. 409].

Анатолийские турки внесли значительный вклад в культурную и художественную жизнь Анатолии. В их среде развивалась литература, поэзии и музыки, которые в этот период достигла определенного расцвета. Кроме того, большое количество мечетей, медресе и других религиозных учреждений, построенных в этот период, также сыграло большую роль в развитии архитектуры.

Тогда же был разработан уникальный стиль в искусстве и керамике, который высоко ценился и продавался на Ближнем Востоке и в Европе. Турецкий народ также разработал уникальный музыкальный стиль, характеризующийся использованием традиционных инструментов, таких как саз и ней.

Турецкая этническая общность эпохи Румского султаната сыграла важную роль в формировании и развитии современной Турции. Турецкий

язык, культура и традиции уходят корнями в сельджукский и османский периоды, когда произошли значительные политические, экономические и культурные события.

Наследие турецкой этнической общности можно увидеть в многочисленных мечетях, медресе и других религиозных учреждениях, разбросанных по всей современной Турции. Это наследие также было выражено в многочисленных литературных, поэтических и музыкальных произведениях турецких писателей и музыкантов.

Формирование турецкой этнической общности в период Румского султаната было постепенным процессом, на который повлияли различные факторы, такие как миграция тюркских племен в Анатолию, смешанные браки с местным населением и распространение ислама. Турки-сельджуки поощряли миграцию тюркских племен в Анатолию, чтобы укрепить свое господство в регионе. Эти племена вступили в браки с местными жителями, что привело к появлению новой этнической группы с другой культурой и самобытностью. Распространение ислама также сыграло важную роль в формировании турецкой этнической общности. Турки-сельджуки твердо верили в ислам и распространили эту религию по всей Анатолии посредством строительства религиозных учреждений и обращения местного населения. Это привело к появлению новой исламской культуры в Анатолии, на которую повлиял тюркский кочевой образ жизни и обычаи. В эти периоды в Конье были построены мечети, медресе и караван-сарай. В результате мы также можем сделать вывод, что сельджуки-греки стали мусульманским государством [2, с. 228].

Первый этап связан с объединением тюркских княжеств и созданием Румского султаната. В этом процессе важную роль играли собственность, включающая веру, браки и распределение земель [9, с. 28]. Политическое единство между княжествами стало важным шагом в формировании тюркской этнической группы. Благодаря этому объединению тюрки собрались под общей крышей государства и продолжили формировать общую идентичность.

Второй этап связан с переходом тюркских княжеств к централизованному управлению. С созданием Румского султаната вожди княжеств получили титул султана, и возникла центральная административная власть. Это централизованное управление способствовало еще большему объединению тюркской этнической группы и формированию общей политической структуры. Таким образом, укрепились солидарность и чувство единства среди тюрков.

Последний этап связан с формированием культурного единства этнической группы тюрков. Во время Румского Султаната среди тюрков постепенно исчезали различия в языке, религии, обычаях и традициях.

Тюрецкий стал официальным языком Румского Султаната, а тюрецкая культура широко принималась. Кроме того, усилились культурные обмены и взаимодействие между тюркскими княжествами. В результате этого процесса было сформировано культурное единство этнической группы тюрков. С точки зрения формирования культурного единства, это одно из других последствий формирования культурного единства, поскольку племена огузов уделяют особое внимание своей фольклорной литературной культуре.

Румский султанат представляет собой важный этап в формировании этнической структуры тюрков. Объединение тюркских княжеств и создание общего государства позволило установить политическое единство тюркской этнической группы. Кроме того, взаимодействие тюрков с местным населением и культурный обмен способствовали формированию культурного единства тюркской этнической группы. Политическое и культурное единство, созданное в этот период, положило начало формированию турецкого этнического общества и к этому времени претерпело различные изменения и сохранилось до наших дней. Румский султанат является важным этапом в формировании тюркской этнической группы и может быть рассмотрен как переломный момент в истории тюркской этнической идентичности и единства.

Библиографические ссылки

1. *Еремеев Д.Е.* Этногенез Турок (происхождение и основные этапы этнической истории). Москва: Изд-во «Наука», Гл. ред. Вост. Лит., 1971.
2. *Aksoy Hatice.* Anadolu Selçukluları -Bir Hanedanın Evrimi // Selçuk Üniversitesi Selçuklu Araştırmaları Dergisi. 2018, Sayı 8. S. 225–230.
3. *Cahen Claude.* The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rum: Eleventh to Fourteenth Century. New York: Routledge, 2014.
4. *Erken Baki.* Türkiye-AB ilişkilerinde Temel bir etken: Türk'ün Avrupa Kimliği // Ankara Avrupa Çalışmaları. 2013, Cilt: 12, No: 1. S. 81–90.
5. *Kafesçioğlu C.* Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State. Berkeley – Los Angeles – Oxford, University of California Press, 1995.
6. *Köymen Mehmet Altay.* Selçuklular ve Anadolu'nun Türkleşmesi Meselesi // Selçuk Üniversitesi Selçuklu Araştırmaları Dergisi. 1986, Sayı 1. S. 21–35.
7. *Köymen Mehmet Altay.* Selçulular'da Devlet : III. Tarihi ve Siyasi Bakımlardan // Belleten Türk Tarih Kurumu. 1990, Cilt: 54, Sayı 209. S. 403– 416.
8. *Ortaylı İlber.* Türklerin Tarihi. İstanbul: Timaş Yayınları, 2008.
9. *Peirce P. Leslie.* The Imperial Harem: Women and Sovereignty in the Ottoman Empire. New York London: Oxford University Press, 1993.

НАРРАТИВ О ЕДИНСТВЕ И БАНГЛАДЕШ ПРАВИТЕЛЬСТВА ШЕЙХ ХАСИНА (2009–НАШИ ДНИ)

С.С. Злобин

*Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, ZlobinSSSS@mail.ru*

В данной статье рассматривается, как сегодняшнее правительство Шейх Хасина обосновывает необходимость единства в обществе и государстве современного Бангладеш. Отмечается, что единство – залог успешного развития всех сфер жизни. В качестве основной составляющей нарратива о единстве сегодняшнего правительства Шейх Хасина автор определяет историческую память о сложной борьбе за независимость, которая дополняется иными значимыми элементами, такими как противостояние исламистскому экстремизму. Автор выделяет также и негативные составляющие данного нарратива о единстве, оговаривая, однако, что эти тенденции не могут быть обозначены как основа содержания нарратива о единстве Бангладеш, выступая скорее как требующие постоянного к себе внимания объекты современного мира.

Ключевые слова: Бангладеш; Шейх Хасина; единство; независимость; исламизм.

UNITY NARRATIVE AND BANGLADESH DURING THE GOVERNMENT OF SHEIKH HASINA (2009–NOWADAYS)

S.S. Zlobin

*The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus
Academic str., 1, 220072, Minsk, Belarus, ZlobinSSSS@mail.ru*

This article discusses how the current government of Sheikh Hasina justifies the need for unity in society and state of modern Bangladesh. It is noted that unity is the key to the successful development of all spheres of life. As the main component of the narrative about the unity, of the current government of Sheikh Hasina, the author defines the historical memory of the difficult struggle for independence, which is complemented with other significant elements, such as the opposition to Islamist extremism. The author also highlights the negative components of this narrative about unity, stipulating, however, that these trends cannot be designated as the basis for the content of the narrative about the unity of Bangladesh, acting rather as objects of the modern world that require constant attention.

Keywords: Bangladesh; Sheikh Hasina; unity; independence; Islamism.

В современном мире большое значение имеет устойчивое общественно-политическое устройство, успешное взаимодействие общества и государства, их единство. Ведь только так возможно преодолеть все те вызовы, которые поставил перед миром XXI век. Проблема единства является ключевой для любой страны мира. Не обошла она и Бангладеш.

Однако, чтобы решить какую-либо проблему, необходимо предоставить общую трактовку, на основе которой откроются возможности выстраивания той или иной деятельности. Это и есть нарратив, – то, что людям рассказывают, и то, что люди рассказывают друг другу, и на основе этого понимают, что от них хотят и что им делать.

Цель данного материала: определить содержание нарратива о единстве Бангладеш периода сегодняшнего правительства Шейх Хасина (2009–наши дни).

Данное правительство находится у руля страны довольно продолжительное время и, можно сказать, уже имеет свой нарратив о необходимости единства.

Данный нарратив не может не вмещать в себя такие причины необходимости единства, как обязательное экономическое развитие, неизбежность сплоченности перед лицом террористических угроз и т.д. Защита малых, часто ущемляемых объектов, таких как женщины, бедняки, крестьяне, также может быть представлена как причина необходимости единства, потому что все они нуждаются в защите сильного государства, а сильное государство может быть создано только на основе единства. Нужна стабильность как таковая, и единство – это залог стабильности, и об этом говорит Шейх Хасина и все, кто занят в управлении современным Бангладеш. Стабильность – это основа успешного преодоления всех тех метаний, которыми так богат XXI век. Будучи едиными, можно сосредоточиться на совместной работе и улучшить качество образования и медицины, а также преодолеть климатические невзгоды. XXI век постоянно говорит о климате.

Но правительство Шейх Хасины имеет и только ему присущие детали нарратива единства, – ведь описанный выше рассказ практически ничем не отличается от аналогичного в Танзании или Колумбии. Особые черты нарратива Шейх Хасины о единстве связаны с исторической памятью. Основатель современного Бангладеш Муджибур Рахман часто вспоминается и почитается. Часто вспоминается тяжелый период борьбы за независимость от Пакистана, когда армия Пакистана и помогавшие ей добровольческие отряды совершали на территории современного Бангладеш, бывшего тогда частью Пакистана и называвшегося Восточный Пакистана, то, что можно классифицировать как геноцид. Вспоминаются и многие другие эпизоды истории борьбы за независимость, достигнутой в 1971 г., и делается вывод, что мы должны дорожить этим таким трудом достигнутым единством.

Такое отношение к исторической памяти как основе нарратива о единстве является вполне естественным для Бангладеш. Безусловно, можно было бы сказать, что в свете не очень больших успехов на

экономическом поле, т.е. на поле будущего, просто больше нечего предъ-
явить в качестве всеми уважаемого и разделяемого дискурса, но, во-пер-
вых, нарратив о единстве должен нести в себе всегда некоторый момент
эмоциональности, – для того, чтобы люди были согласны делать что-то
вместе и верить в возможность совместного успеха, одной рационально-
сти не достаточно, а во-вторых, есть объективные исторические причины,
обуславливающие построение нарратива единства Бангладеш на истори-
ческой памяти о борьбе за независимость.

Во-первых, история современного Бангладеш не столь продолжи-
тельна, чтобы иметь какие-либо открывшиеся за это время особые пер-
спективы особого будущего, на основе которых можно было бы отли-
чаться от других. Конечно же, Бангладеш уже многое пережил за время
своей независимости, но Бангладеш как-то не очень выделялся в выборе
какой-то специфической, затмевающей все остальное, доктрины обще-
ственно-политического строя (например, как Вьетнам, социализм). И, во-
вторых, и, наверное, в главных, та точка борьбы за независимость, которая
обозначается 1971 г. и сам путь к ней, начиная с движения за бенгальский
язык в урдуязычном Пакистане, были столь драматичны и кровавы, с ге-
ноцидом, с катастрофическими страданиями, что независимость для Бан-
гладеш на самом деле получается очень и очень значимой, тем, о чем стоит
помнить и откуда можно черпать вдохновение для достижения совмест-
ных успехов.

Историческая память о борьбе за независимость органично допол-
няется в нарративе о единстве и другими элементами, важнейшим из ко-
торых является необходимость сохранения безопасности в стране. Бангла-
деш – мусульманская страна, и к сожалению, подвержена воздействию ра-
дикальных исламистских течений, присутствующих в современном мире
и особо обострившихся во втором десятилетии XXI века (ИГИЛ), на кото-
рое и приходится период правления Шейх Хасина. В том же ИГИЛ состо-
яло довольно большое количество граждан Бангладеш. В обществе нараст-
ают тенденции к радикализации личной жизни с установлением строгих
мусульманских норм, что можно, что нельзя делать [1]. В Бангладеш дей-
ствуют медресе, в которых сильна установка на чистоту личной жизни и
объяснение ислама как противостоящего современному миру феномена
[1]. Присутствуют в недавней истории страны и случаи терроризма.
Например, выделяется террористическая атака в Дакке в 2016 г. Поэтому
сегодняшнее правительство Бангладеш крепко связывает эти две части
нарратива о единстве.

К тому же борьба за независимость велась не просто против Паки-
стана, его насильственной политики по отношению к бенгальскому
народу, но и против идеи единства, которая господствовала в том

Пакистане. И та идея базировалась на понятии общей исламской идентичности, и особо страшные действия по недопущению отделения бенгальцев от общего Пакистана предпринимали именно те, кто защищал, как им казалось, ислам в стране. Например, организация Аль-Бадр и партия Джамаат-и ислами Бангладеш. Поэтому нарратив о борьбе за независимость как основе единства страны немыслим без продолжающегося и только набирающего значения противостояния исламизму.

Таким образом, можно было бы сказать, что содержанием нарратива о единстве, продвигаемого правительством Шейх Хасина, является опора на память о борьбе за независимость с вытекающими из этого такими ключевыми дискурсами, как противостояние исламизму и т.д., но в этом нарративе есть и еще ряд моментов, которые имеют негативную окраску и которые тоже могут быть обозначены как существенная составляющая данного нарратива.

Существуют определенные обвинения в отношении использования данного нарратива правительством Шейх Хасина. В первую очередь, Шейх Хасина обвиняется в том, что при помощи данного нарратива она стремится подавить, замолчать оппозицию в стране. Это очень стандартное обвинение, характерное для многих других стран. Указывается на то, что, говоря о том, что мы должны быть едины, правительство как бы намекает явно и не явно, что не надо с ним спорить, а следует просто выполнять его указания. Например, лидер главной оппозиционной партии Халеда Зиа обвиняет Шейх Хасина, что та неискренна в своих призывах к единству против угрозы безопасности обществу [2]. И это не просто слова, а действия. Партия Халеда Зиа Националистическая партия Бангладеш бойкотировала выборы [3].

Борьба против исламизма и восстановление справедливости путем наказания военных преступников за геноцид 1971 г. также оборачивается преследованием оппозиции, говорят противники правительства Шейх Хасина. Влиятельная и самая большая исламистская партия Джамаат-и ислами Бангладеш была запрещена в 2013 г. Лидер Джамаат-и ислами Бангладеш (2000–2016) Мотиур Рахман Низами был повешен за участие в геноциде бенгальского народа [4], влиятельный бизнесмен Мир Касем Али был повешен [5]. Пожизненное заключение, смертные приговоры – такая участь постигла и других видных деятелей исламского крыла политики Бангладеш. Государство под предлогом защиты населения от экстремизма все больше лезет во внутреннюю жизнь людей и устанавливает все большее количество правил и ограничений [1].

Также может вызвать вопросы сама по себе искренность, с которой правительство Шейх Хасина ссылается на период борьбы за независимость и необходимость не терять с таким трудом добытое секулярное общественно-

государственное построение. Дело в том, что Шейх Хасина является дочерью основателя Бангладеш Муджибур Рахмана. Это не значит, что она просто использует ресурс имени своего отца и своей партии для достижения своих личных целей, не веря в то, что она говорит. Это может означать то, что она просто живет в том дискурсе, в который попала по наследству, в силу обстоятельств, и эта ее предопределенность в значительной мере замещает ту продуманность, с которой бы обратился бы к секулярному нарративу независимости любой другой политик.

Таким образом, в определении содержания нарратива о единстве Бангладеш правительства Шейх Хасина (2009–наши дни) следует подчеркнуть некоторое сомнение в оправданности и искренности дискурсивных стратегий, применяемых при построении данного нарратива.

Однако не стоит терять преобладающую положительную направленность нарратива о единстве сегодняшнего Бангладеш. Несмотря на риски использования положений этого нарратива в частных политических целях, установка на секуляризм, на уважение к своей независимости и на уважение тех, кто боролся за эту независимость, необходима в современном государстве, которое погружено, или скорее погружается, как в случае с Бангладеш, в нестабильность современного исламского мира и сталкивается с неоднородной, но требовательной глобальной экономической конъюнктурой. Историческая память о своей независимости в этом плане остается как последняя черта, которую нельзя преступить, чтобы не потерять целостность связи государства и общества.

Поэтому риски неискренного использования нарратива о единстве должны быть обозначены в определении содержания данного нарратива именно как побочные эффекты, с которыми надо работать, но не как что-то, ради преодоления чего следует перестроить весь этот нарратив. Безусловно, необходимо уважать оппозиционное мнение, необходимо даже не препятствовать выражаться тому, кто кажется немного радикальным. Тем более необходимо уважать права простых людей, кем бы они не были: женщины, мужчины, христиане, мусульмане, иудеи, богатыри или инвалиды. Нельзя под предлогом единства заставлять этих людей отказаться от своих убеждений и своего образа жизни, стремясь заключить их в рамки одного выбранного правительством стандарта, будь то Шейх Хасина или кто-либо другой.

Шейх Хасина даже могут обвинять в создании угрозы собственно демократии и равноправию в Бангладеш. Например, не редкость такие выпуски на различных медиаресурсах, которые выходят под названиями, аналогичными заголовку интервью с самой Шейх Хасина на телеканале Аль-Джазира, – «Шейх Хасина: бангладешский защитник или нападающий на демократию?» [6]. Интересно, что в этом интервью Шейх Хасина

сидит рядом с портретом именно Муджибур Рахмана. Но опять-таки, наверное, не стоит доходить до крайностей, и такие заголовки говорят в первую очередь о том, что сегодняшнему правительству Бангладеш следует внимательно относиться к тому, что требует по отношению к себе более пристального взгляда и более тщательной работы, и безоговорочно не жертвовать всем и вся ради единства страны.

Таким образом, содержанием нарратива о единстве Бангладеш правительства Шейх Хасина (2009–наши дни) является историческая память о сложной борьбе за независимость, которая, в частности, предопределяет стремление сегодняшних властей не допустить распространения в стране исламского экстремизма, но также несет в себе риски невнимательного отношения к тем, кто естественным образом не вписывается в данный нарратив, например, политическая оппозиция.

Библиографические ссылки

1. Bangladesh – Dawn of Islamism | DW Documentary // DW Documentary : YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J6DxXI6wD8U> (дата обращения: 04.04.2023).

2. BNP alleges Hasina's government not sincere in forming unity against militancy // The Indian Express : newspaper. URL: <https://indianexpress.com/article/world/world-news/bnp-alleges-hasinas-government-not-sincere-in-forming-unity-against-militancy-2893332/> (дата обращения: 04.04.2023).

3. Bangladesh ruling party set to win vote boycotted by rivals // Associated Press News : news agency. URL: <https://apnews.com/article/elections-boycotts-bangladesh-local-elections-general-elections-17d2b70476d342c0dd899e96e4d201a0> (дата обращения: 04.04.2023).

4. Bangladesh executes Motiur Rahman Nizami for war crimes // Al Jazeera English : TV network. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/5/11/bangladesh-executes-motiur-rahman-nizami-for-war-crimes> (дата обращения: 04.04.2023).

5. Bangladesh executes last prominent Jamaat leader // Al Jazeera English : TV network. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/9/4/bangladesh-executes-last-prominent-jamaat-leader> (дата обращения: 04.04.2023).

6. Sheikh Hasina: Bangladesh's defender or attacker of democracy? | Talk to Al Jazeera // Al Jazeera English : YouTube channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Crscv3BV2cY> (дата обращения: 04.04.2023).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН ПЕРЕД ЛИЦОМ МИРОВЫХ ВЫЗОВОВ¹

И.У. Зулькарнай

*Лаборатория современных проблем региональной экономики Центрального аппарата
Уфимского Федерального Исследовательского Центра Российской Академии Наук, пр.
Октября, 71, 450054, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация,
zulkar@mail.ru*

В докладе обсуждаются вопросы стратегического планирования в регионах Российской Федерации, характеризующимся двумя обстоятельствами: а) наличием значительного процента этнических меньшинств страны в населении региона; б) сильной зависимостью экономики региона от добычи и первичной переработки природных ископаемых. При этом ставится задача разработки стратегического плана не в смысле долгосрочного плана эволюционного социально-экономического развития региона, а именно стратегии по коренной перестройке экономики региона в ответ на мировые вызовы. Этот анализ и разработанные на его основе предложения сделаны на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: стратегия; стратегический план; стратегическое планирование; стратегическое управление регионом; регион; федерация; региональная экономика.

STRATEGIC PLANNING IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE FACE OF WORLD CHALLENGES

I.U. Zulkarnay

*Laboratory of Modern Problems in Regional Economics of the Federal Research Centre of
the Russian Academy of Sciences, October Avenue, 71, 450054, S. Ufa, Republic of
Bashkortostan, Russia, zulkar@mail.ru*

The report discusses the issues of strategic planning in the regions of the Russian Federation, characterized by two circumstances: a) the presence of a significant percentage of the country's ethnic minorities in the region's population; b) strong dependence of the region's economy on the extraction and primary processing of natural resources. At the same time, the task is to develop a strategic plan not in the sense of a long-term plan for the evolutionary socio-economic development of the region, but specifically a strategy for a radical restructuring of the region's economy in response to global challenges. This analysis and the proposals developed on its basis are made on the example of the Republic of Bashkortostan.

Keywords: strategy; strategic plan; strategic planning; strategic management of the region; region; federation; regional economy.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ

В своем докладе я намерен, прежде всего, перечислить наиболее серьезные мировые вызовы, перед которыми стоит Российская Федерация и ее регионы. Далее, я проведу критический анализ проблем стратегического планирования на региональном уровне, а также, на примере Республики Башкортостан опишу особенности регионов, характеризующихся наличием этнических меньшинств России и одновременно ориентацией местной экономики на добычу и неглубокую переработку природных ископаемых. В своих предыдущих работах (см. в частности, [2]) я уже доказательно утверждал, что в достаточно краткосрочной перспективе (до 2030 года) мир будет наблюдать закат эры углеводородов как источников энергии.

Анализ мировых тенденций на рынке двигателей для автомобильного транспорта показал, что развитые страны мира, прежде всего Европы и среди них прежде всего Северной Европы строят планы постепенного отказа от производства и эксплуатации двигателя внутреннего сгорания в автомобилестроении. А именно этот тип двигателя является основным потребителем углеводородов для извлечения энергии. Соответственно, эта технология, которой уже более века, является основным источником выбросов углекислого газа в атмосферу.

Курс на постепенный, и в конечном счете, полный отказ от использования углеводородов в качестве источника энергии, взятый Европой, является огромным вызовом для нефте- и газодобывающей отраслей Российской Федерации. А если говорить в территориальном разрезе, то это вызов, прежде всего, для регионов, которые более других вовлечены в эти отрасли. Мы будем обсуждать этот вопрос на примере Республики Башкортостан. Однако наши рассуждения вполне применимы для Республики Татарстан, Тюменской области и другим регионам, занятым добычей и экспортом углеводородного сырья.

Основная мысль, которую я провожу в своем докладе, заключается в том, что документы стратегического развития Республики Башкортостан, как впрочем, и других регионов, исходят из парадигмы почти вечного потребления миром углеводородов и игнорируют сформулированные мною перспективы отказа от углеводородов в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

В данном докладе я абстрагируюсь от экономических и экспортно-импортных санкций против России, которые были введены странами Запада в 2022-2023 гг. В частности я не буду обсуждать последствия вступивших с 5 декабря 2022 года санкций по отказу от импорта в ЕС российской нефти и вступивших с 5 февраля 2023 года санкций в отношении российских нефтепродуктов (США отказалась от закупок российской нефти еще в марте 2022 года [3], хотя российская доля составляла заметные 7% в общем объеме американского импорта нефти и нефтепродуктов).

Упомянутые санкции являются самостоятельным вызовом перед Россией, который требует отдельного анализа. Однако, если обсуждаемые в этом докладе меры были бы приняты как минимум, десять лет назад, в период стратегического планирования отраслевого развития страны, регионов (отдельные планы), то и сегодняшние санкции оказались бы не такими болезненными, как они уже являются, и в еще большей степени нанесут урон отечественной экономике в ближайшее время. Положительной стороной санкций является, конечно, то, что они вынудят Россию перейти на новую модель развития, основанную на инновационной, наукоемкой экономике, свободной от зависимости от добычи и продажи природных ископаемых.

Однако, этот переход следовало бы начать десятилетия назад, по крайней мере, с 2013 года, а еще лучше – с 2008 года, когда прозвучали первые «звоночки» завершающейся нефтяной эры.

Итак, будем считать, что Российская Федерация и ее нефтегазодобывающие регионы не столкнулись с феноменом санкций – но даже в этом случае наша страна, как и все страны, занимающиеся добычей и экспортом углеводородов (страны Персидского залива, Венесуэла, Норвегия и т.д.), стоят перед вызовом заката нефтяной эры. В самой ближайшей перспективе все эти страны столкнутся с ценовой дискриминацией: страны-потребители нашего экспорта начинают принуждать собственные частные компании отказываться от углеводородов как источника энергии при производстве продукции. В этих целях они вводят дополнительное налогообложение продукции, полученной как раз с применением таких «грязных» источников энергии. Этот налог известен как «углеродный налог», также называемый «карбоновый налог». Наибольшее значение он имеет в Швеции (2020 год): 138 американских долларов за тонну выбросов углекислого газа в атмосферу, намного меньше в Великобритании - 24 доллара [1]. Этот налог есть и на других континентах: в ЮАР и Аргентине.

Из всех стран мира этот налог наиболее болезненный для России, и для Башкортостана вместе с другими нефте- и газодобывающими и перерабатывающими регионами, так как наша страна входит в тройку лидеров стран – экспортеров в ЕС выбросов углекислого газа: Китай (331 млн т), Россия (179 млн т) и США (98 млн т) [1]. В пересчете на одного жителя Россия является лидером среди этих трех стран.

Тем самым, перед Республикой Башкортостан, как и всей страной стоит императив перехода к новой, наукоемкой индустрии, освобождения от углеводородной зависимости. Для решения этой задачи необходимо кардинально перестроить содержание стратегических планов [2]. Кроме того, в стратегическом планировании важно учитывать этнический фактор – попытка игнорирования ресурсо-ориентированными компаниями

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ КАК ФАКТОР ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКО-ФИЛИППИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Ю.А. Кузнецова¹⁾, О.А. Балабейкина²⁾

¹⁾ Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Смольного, д.1/3, 191060, Санкт-Петербург, Россия, julieak@yandex.ru

²⁾ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
наб. Канала Грибоедова, д. 30-32 литер а, 191023, Санкт-Петербург, Россия,
olga8011@yandex.ru

Аннотация. В международных отношениях территориальные споры всегда занимали ключевую позицию среди конфликтов как сферы поиска и достижения необходимого консенсуса между государствами. Территориальный спор в Южно-Китайском море (ЮКМ) проявляется одним из наиболее острых противоречий в современных китайско-филиппинских отношениях. Этому послужили претензии Китая на большую часть ЮКМ, которые не признаны Филиппинами и другими государствами региона. В статье анализируются исторические, внутренние и внешние правовые и политические факторы, повлиявшие на развитие спора в регионе между Китаем и Филиппинами и ограничившие пути, по которым два государства могли бы прийти к единому соглашению, а также последствия территориального спора на отношения между этими двумя странами.

Ключевые слова. КНР; Филиппины; Южно-Китайское море; территориальный спор; острова.

THE TERRITORIAL DISPUT IN THE SOUTH CHINA SEA AS A FACTOR OF CONTRADICTIONS IN MODERN CHINESE- PHILIPPINE RELATIONS

Y.A. Kuznetsova¹⁾, O.A. Balabeykina²⁾

¹⁾ St. Petersburg State University,
st. Smolny, 1/3, 191060, St. Petersburg, Russia, julieak@yandex.ru

²⁾ St. Petersburg State University of Economics,
emb. Canal Griboedova, 30-32 letter a, 191023, St. Petersburg, Russia, olga8011@yandex.ru

In international relations, territorial disputes have always played a key role among conflicts as an area of search and achievement of necessary consensus between states. The territorial dispute in the South China Sea (SCS) is one of the most acute contradictions in modern Chinese-Philippine relations. This was caused by China's claims to a large part of the SCS, which are not recognized by the Philippines and other states in the region. The article analyzes the historical, internal and external legal and political factors that influenced

the development of the dispute in the region between China and the Philippines and limited the ways in which the two states could come to a single agreement, as well as the consequences of the territorial dispute on relations between these two countries.

Keywords: PRC; Philippines; South China Sea; territorial dispute; islands.

Территориальный спор в Южно-Китайском море стал одним из главных факторов противоречий в современных китайско-филиппинских отношениях. Конфликт связан с территориальными претензиями обеих стран на ряд островов, рифов и образуемых ими архипелажных вод, а также с противостоянием за контроль над ресурсами и морскими акваториями.

Одной из основных причин территориального спора между Китаем и Филиппинами является различие в интерпретации исторических документов и правовых норм, касающихся территориальных претензий в регионе. Претензии со стороны Китая обосновываются историческими правами на владение островами и рифами в Южно-Китайском море, зафиксированными в археологических находках и документах, датированных еще с древности. Филиппины, в свою очередь, ссылаются на международные правовые документы и законодательство, которыми закрепляется их суверенитет над внутренними, территориальными и архипелажными водами.

В 1947 году китайский правительственный орган опубликовал карту, где была демаркирована «девятиточечная линия», которая охватывала большую часть морской акватории. Однако Филиппины и другие страны региона не признали легитимность этих претензий. В последующие годы обе стороны продолжали проводить исследования и строительство военных объектов на спорных островах и рифах, что только усилило напряжение [2].

В 1982 года все участники спора подписали и ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву для регулирования морских пространств и ресурсов в пределах юрисдикции государств, в частности, для решения возникающих споров в данном регионе путем мирных переговоров и соблюдения правил, установленных в Конвенции. Таким образом, Конвенция устанавливала правовые рамки в принятии мер для обеспечения безопасности и стабильности региона [1].

Еще одной причиной территориального спора является геополитическая значимость рассматриваемых территорий и акватории. Южно-Китайское море является важным транспортным коридором, через который проходит значительная часть грузов под флагами самых разных стран-субъектов международной торговли. Кроме того, эти воды богаты рыбными ресурсами, а в пределах шельфовой зоны имеются месторождения углеводородного сырья, что делает регион важным источником ресурсов для обеих стран.

Конфликты в отношении Южно-Китайского моря в основном касаются территориальных споров, связанных с владением Парасельскими островами, архипелагом Спратли и некоторыми другими островами, делимитацией границ исключительных экономических зон и континентального шельфа, а также юридическими и фактическими спорами, возникающими в результате конкуренции за морские ресурсы.

В XXI в. Китай все более усиливает свою значимость в политическом и военном плане и проникает в Юго-Восточную Азию, встречая на своем пути соперника в лице США. В этот период Китай демонстрирует свою всеобъемлющую национальную мощь, в частности, действуя в регионе Юго-Восточной Азии в то время, как США ставят перед собой цель сохранить свой контроль и лидерство на Тихом океане, включая Южно-Китайское море, которое в последнее время стало очагом споров и конфликтов между государствами. Становление Китая как мирового и регионального лидера, очевидно, позволяет ему находиться в преимущественном положении, когда возникают споры или конфликты с другими государствами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, когда речь идет о Филиппинах и Вьетнаме [3].

Спор в Южно-Китайском море, помимо основных его стран-участников, затрагивает интересы нескольких соседних государств – Бруней, Вьетнам, Тайвань и Малайзия. Со стороны некоторых государств есть склонность к заявлениям, что продолжающиеся переговоры между Китаем и Филиппинами о совместных исследованиях спорных островов в итоге могут стать ключом к расширению сотрудничества между другими остальными участниками.

Выявление причинно-следственных связей, исторический взгляд в территориальных спорах может сформировать целостное представление о ситуации. Проследившая эволюцию китайско-филиппинских отношений, можно зафиксировать непостоянство. Так, наблюдается переход Филиппин от отношений сотрудничества с Китаем в период с 2001-2010 гг. при президентстве Глории Макапагал Арройо к конфликтным в 2010-2016, когда главой государства был Бениньо Акино III. Затем дружественная динамика наметилась в 2016-2022 гг. с Родриго Роа Дутерте, но с 2022 года и к настоящему времени наблюдается дистанцирование отношений с Фердинандом Ромуальдеса Маркосом.

Получается, что эволюцию китайско-филиппинских отношений можно соотнести с моделью «примирение-подчинение». Начиная с 2001 г. при президентстве Глории Арройо между двумя странами шел постепенный процесс взаимного сотрудничества, а региональный подъем Китая привел к созданию новых взаимовыгодных двусторонних отношений. Но в 2010 году камнем преткновения в контактах между Китайской Народной

Республикой и Филиппинами стали возникшие споры в Южно-Китайском море. Этому послужило обращение президентом Филиппин в марте 2009 года к вопросу об исходных линиях филиппинских архипелагов, который определяет территориальную юрисдикцию страны. В мае того же года китайская делегация представила в ООН карту с проведенной пунктирной линией в форме латинской буквы «U» как границу «исторического моря» Китая, которая перекрывает 200-мильную исключительную экономическую зону многих стран Юго-Восточной Азии. Конвенция ООН 1982 года, по заявлениям китайских пропагандистов и ученых, к этому не имеет никакого отношения, ибо де-факто и де-юре ЮКМ с глубокой древности находилось под управлением Китая [6].

В результате начавшегося конфликта китайско-филиппинские двусторонние отношения резко охладели. Эти факты изменили траектории поведения государств: Филиппины перешли от «подчинения» к позиции «пограничных преследований», а Китай — от «примирительной» к «карательной миссии». Эта тенденция получила импульс благодаря новому президенту Бениньо С. Акино III, пришедшему к власти в результате кампании критики сближения с Китаем. Обе стороны вступили в новую фазу конфликтных отношений, сопровождающихся враждебными действиями, направленными на ЮКМ.

Анализируя ход событий в споре в ЮКМ (табл. 1), можно заметить напористость политики Китая в ЮКМ, вызывающей трения между филиппинскими и китайскими военно-морскими силами [4].

Обострение конфликта между Филиппинами и Китаем в Южно-Китайском море. Ход событий (составлено автором на основе данных [6])

Дата	Описание события
Февраль, март, октябрь 2011 г.	Редкие столкновения между китайскими и филиппинскими флотами.
8 апреля 2012 г.	Противостояние на острове Скарборо между флотами обеих сторон.
25 апреля 2012 г.	Совместные военные учения США и Филиппины.
Май 2012 г.	Взаимные протесты в посольствах Китая и Филиппин.
Май-август 2012 г.	Китай наложил вето на ловлю рыбы на острове Скарборо. Рыбаки Филиппин игнорируют вето.
Июнь 2012 г.	Войска Филиппин отступают из острова Скарборо.
Январь 2013 г.	Филиппины подают иск против Китая в ЮКМ.
Апрель 2014 г.	Филиппины и США подписывают Соглашение о расширенном оборонном сотрудничестве (EDCA).
Май 2014 г.	Китай строит военные площадки на рифе Джонсон (взлетно-посадочная полоса).
Апрель 2015 г.	Китай строит военные площадки на острове Миссиф.

Дата	Описание события
Сентябрь 2015 г.	Китай строит военные площадки на рифе Файери-Кросс (взлетно-посадочная полоса).
Январь 2016 г.	Китай строит базу подводных лодок в районе Мисчиф.
Февраль 2016 г.	Филиппины обвиняют Китай в строительстве ракетных объектов в Едином экономическом пространстве (ЕЭП).

После первых столкновений, имевших место в 2011 и 2012 гг., в январе 2013 года Акино подал юридический иск против требований Китая [6]. В частности, Филиппины заявили, что действия КНР и ее посягательство на 90% морской акватории нарушают Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года. В феврале 2013 г. правительство КНР отклонило и вернуло вербальную ноту Филиппин вместе с прилагаемым уведомлением и исковым заявлением, указав на категорический отказ от своего участия в данных разбирательствах.

Последствием этого шага стало охлаждение двусторонних отношений до небывало острого уровня. Китай в ответ активизировал свою деятельность в спорных районах: небольшие возвышенности во время периодического понижения уровня воды были превращены в острова, оборудованные укрепленными гаванями и аэропортами, которые массово расширили потенциал ВМС и ВВС КНР. Одновременно с этим, Филиппины успешно заручились политической поддержкой ведущих государств, а также сумели укрепить свои связи в сфере безопасности с Соединенными Штатами, и установить новые связи с другими региональными державами, в первую очередь с Японией и Австралией.

После трёхлетнего разбирательства в арбитражном суде 12 июля 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге, опубликовала заключение, в котором подавляющее большинство действий Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ) квалифицировались как нарушение международного права. Но решение арбитража не повлекло за собой правовых последствий, поскольку проигравшая сторона (КНР) заранее объявила любое решение трибунала юридически ничтожным и не собиралась его исполнять. А согласно Конвенции, его решение является окончательным и ни в каких других международных органах обжалованию не подлежит. Поэтому несмотря на символический триумф Филиппин в ситуации с ЮКМ, экономика страны пострадала от китайского бойкота в торговле, инвестициях и туризме. Таким образом, Китай использовал экономические и стратегические «карательные миссии», которые в конечном итоге вынудили Филиппины изменить свою позицию с «пограничных преследований» на «подчинение» [6].

С приходом к власти Родриго Дутерте в июле 2016 года Филиппины склонились к довольно покорной позиции, а Китай — к примирительной. С самого начала своей администрации президент Филиппин проводил

внешнюю политику, направленную против тенденции сдерживания в отношении Китая. Президент вскоре выступил за практику независимого внешнего курса, которая означала стремление Филиппин к сотрудничеству с такими державами, как Китай и Россия при дистанцировании от США. Новая программа президента Филиппин получила название «поворот к Китаю» [5].

С 2022 года при новом главе государства Филиппины Фердинанде Ромуальдесе Маркосе США пытаются вовлечь страну в противостояние с Китаем посредством возобновления спора о принадлежности островов в Южно-Китайском море. В ноябре 2022 года вице-президент США Камала Харрис осуществила визит на Филиппины с целью «защиты международных правил и норм, касающихся Южно-Китайского моря (ЮКМ)», а также в строительства пяти новых объектов между Филиппинами и США для противостояния Китаю.

Территориальный спор между Китаем и Филиппинами привел к осложнению политических и экономических отношений между этими странами. Обе стороны принимают меры для защиты своих интересов, что может привести к усилению военного присутствия в регионе. Кроме того, конфликт может выразиться на международной арене, вызвав противостояние между Китаем и другими странами, заинтересованными в регионе.

Таким образом, при всех вариантах развития событий вокруг статуса спорных территорий и акваторий, Китай занял четкую позицию по отношению к ситуации в ЮКМ независимо от того, какое решение будет принято арбитражным трибуналом. Конвенция 1982 года не создала никакого механизма наложения санкций на государство, не выполняющее решений международного арбитража. Проследившая эволюцию китайско-филиппинских отношений, можно обнаружить постоянный переход Филиппин от отношений сотрудничества с Китаем к дистанцированию, что находит свое отражение в модели «примирение-подчинение», в которых имеют значение такие факторы, как внутренняя политика обеих стран и влияние США в Восточной Азии.

Территориальный спор в Южно-Китайском море продолжает оставаться одной из главных проблем в современных китайско-филиппинских отношениях. Несмотря на то, что обе стороны прилагают усилия для разрешения конфликта, пока не удастся достичь согласия по вопросу территориальных претензий. Ситуация остается нестабильной, и дальнейшее развитие событий может повлиять на политические, экономические и социальные отношения между Китаем и Филиппинами.

Библиографические ссылки

1. *Гудев П.А.* Конвенция ООН по Морскому Праву 1982 г.: Стратегические риски и возможности для России // ИМЭМО РАН. 2019. №1 (56).
2. *Золотухин И.Н.* Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Известия Восточного института. 2017. №4 (36).
3. *Королев А.С.* Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта / А.С. Королев, И.А. Стрельникова // Аналитический бюллетень ЦКЕ-МИ. 2021.
4. *Chan Steve.* China's Troubled Waters: Maritime Disputes in Theoretical Perspective // Cambridge: Cambridge University Press. 2016.
5. *Chiang Jeremy.* Philippine Foreign Policy in the 21st Century: The Influence of Double-Asymmetric Structure // Conference paper. ISA International Conference 2017 (Hong Kong, CHN). International Studies Association. 2017.
6. *Hendler B.* Sino-Philippine relations as the modern tributary game: moving beyond the South China Sea disputes // Carta Internacional. 2019. V. 14. P. 52–79.